Грасисъ

Неизбѣжное БУДУЩЕЕ

К. Грасисъ.

НЕИЗБѢЖНОЕ БУДУЩЕЕ.

Критическія замѣтки.

1917 г.

Цѣна 75 коп.

КАЗАНЬ.
Типографія Совѣта Раб. и Солд. депутатовъ
1918 г.

К. Грасисъ.

НЕИЗБѢЖНОЕ БУДУЩЕЕ.

Критическія замѣтки.

1917 г.

КАЗАНЬ.
Тип. Казанск. Совѣта Солд. и Раб. Деп.
1917 г.

Въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ беру перо въ руки. Не то я имѣю ввиду, что сижу въ тюрьмѣ во время великой русской революціи. Правда, и это много значитъ. Раньше насъ въ тюрьмы заключали слуги свергнутой династіи, а теперь по ихъ стопамъ идетъ „революціонная правящая партія", фактическій блокъ эсъ-эровъ и меньшевиковъ, т. е. мы должны числиться не прямо, а косвенно за нашими же партійными товарищами! Между дореволюціонными узниками и тѣми, за кѣмъ они „числились", не было ничего общаго, и поэтому тогда не такъ морально-мучительно было томиться за рѣшеткой. Это надрываетъ наши духовныя силы не по днямъ, а по часамъ. Особенно въ данный моментъ, когда нашъ Кавеньякъ—ген. Корниловъ каблукомъ насильника топчетъ все, что намъ дорого! Ген. Корниловъ, выращенный на груди правящей партіеи, поднялся мятежомъ на нее же, и въ этомъ исключительность обстоятельствъ. Не потому, что возстаніе Корнилова предрѣшаетъ тотъ или другой исходъ военной кампаніи въ европейскомъ масштабѣ или же даетъ возможность предвидѣть итогъ русской революціи; ни того, ни другого оно не знаменуетъ собой. Но одно несомнѣнно: это возстаніе противъ Временнаго Правительства, хотя и на дѣлѣ проводящаго въ жизнь кадетскую программу, какъ это мудрственно изрекъ на своемъ партійномъ съѣздѣ Милюковъ, означаетъ, во-первыхъ, конецъ влюбленности демократіи въ безплодную дѣву, имя которой коалиція, во-вторыхъ. показываетъ, кто могильщикъ свободы и революціи. Иными словами: оно обрисовало со всей ясностью дѣйствительное расположеніе и устремленіе разнородныхъ силъ, борющихся на аренѣ русской революціи. Можно скорбѣть только о томъ, что нужно было дойти до *такой* степени наглядности, чтобы изжить ни на чемъ неоснованныя иллюзіи,—ни на чемъ неоснованныя, ибо вся исторія борьбы классовъ показы-

ваетъ какъ разъ обратное; исторія не знаетъ жертвенно-благородныхъ отреченій имущихъ отъ власти и привилегій и эгоистическихъ вожделѣній во имя справедливыхъ „притязаній“ новаго правосознанія пребывающихъ въ нищетѣ и темнотѣ; она знаетъ только безпощадное подавленіе проявленій этого новаго права, неписаннаго, но могущаго—невзирая ни на какія государственныя и общественныя интересы. Наша демократія теперь наглядным способомъ преподаванія будетъ научена, что спасители отечества спасали только свое привилегированное политическое и экономическое положеніе; ихъ фразами о „государственномъ пониманіи“ переживаемыхъ событій прикрывалась только циничная радость „екатерининскаго орла“ Орлова: „миръ истощаетъ, а война обогащаетъ“... Сама бытійственная данность теперь измѣнитъ сознаніе демократіи послѣ цѣлаго ряда совершенныхъ ошибокъ. Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Блудный сынъ вернется восвояси. И тогда онъ начнетъ думать такъ, какъ обязываетъ думать историческій моментъ и наши идеалы. Гибельно было признавать и „принять“, что „Россія для соціализма еще не готова“ и отказаться отъ своей соціалистической программы; это раствореніе дѣла демократіи въ бытіе, порабощеніе должнаго „завтра“ сущему „сегодня“. Между тѣмъ, вся суть въ томъ, что *должно быть*, а не въ томъ, что есть: это максима каждой партіи, преслѣдующей какую бы то ни было цѣль. Риккертъ говоритъ: „*на долженствованіи, а не на бытіи, покоится правильность сужденія*“ (Fegenstand der Erkenntniss, 1904, s. 122). Поэтому и наши соціалисты-министры и иже съ ними, забывшіе свой соціалистическій *долгъ*, такъ ошибочно, разъяснили бытіе, что „проглядѣли“ Корнилова... И такъ вся „революціонно-покоящаяся“ правящая партія!

Учиться на *своихъ* ошибкахъ тяжело; и особенно тяжело теперь, потому что такъ много предостерегающихъ голосовъ было объявлено съ легкой руки, „измѣнниками дѣлу революціи“. Измѣнники!—но только не дѣлу революціи, а „отечеству“ насилія, рабства и нищеты, чтобы пріобрѣсти отечество свободы, равенства и братства. Ясность теперь созданнаго положенія налагаетъ обязанности. И демократія, въ главѣ съ революціоннымъ пролетаріа-

томъ, какъ единственнымъ общественнымъ классомъ, имѣющимъ соціальные идеалы, совершитъ *великую измѣну* буржуазному обществу во имя торжества неотъемлемыхъ правъ человѣка и всечеловѣческой справедливости. Буржуазія же въ своей прессѣ и въ рѣчахъ своихъ златоустовъ (правильнѣе пустозвоновъ) демократію, стремящуюся реализовать фактическое „царство свобсды", будетъ третировать, какъ „мертваго пса". Впрочемъ, это уже и теперь міровое явленіе.

Но каждый въ правѣ спросить, на чемъ основана наша увѣренность, что наступило „начало конца" вѣковой борьбы труда и капитала, что русская революція 1917-го года—первый актъ революціонной драмы, за занавѣсомъ которой узримъ не царство необходимости, а свободы? Иначе: чѣмъ мотивированъ взглядъ крайней лѣвой соціальной демократіи, что переживаемая *эпоха* является *переходной*, какъ у насъ принято выражаться? И сейчасъ же отмѣтимъ, что такой взглядъ имѣлъ бы мѣсто и тогда, если бы даже не вспыхнула русская революція! Итакъ, на чемъ зиждется нашъ оптимизмъ?

Такой взглядъ не интуитивное пророчество, импонирующее сознанію, окрыленному моральнымъ величіемъ соціалистическаго идеала. Это и не историческое предвидѣніе, обоснованное тщательнымъ изученіемъ прошлаго и подкрѣпленное явно—возможнымъ ходомъ вещей въ будущемъ; оно (предвидѣніе) не имѣетъ той *наглядности, обязывающей дѣйствовать* въ опредѣленномъ направленіи, чѣмъ характеризуется историческая среда даннаго момента.

Война такъ обострила классовыя противорѣчія, что, уже грянулъ первый ударъ грома, и жандармъ Европы, россійское самодержавіе, оказался подверженнымъ во прахъ. Война такъ безцеремонно срываетъ всѣ фиговыя листья, прикрывающія хищническіе аппетиты имущихъ классовъ, что „великое ослушаніе" и возмущеніе пролетаріата *неизбѣжно*. Никакими ухищреніями не сплести оправданія этой бойни, а безъ него—оголенное государство капитала и его сопутствующихъ грязныхъ страстей, не продержится въ устойчивомъ состояніи и дня. Сбудется предвидѣніе Жюля Геда, что капиталистическій

строй рухнетъ во время войны! „Исторія полна случаевъ, когда совершенная апатія смѣнялась внезапно бѣшенствомъ и возбужденіемъ, и наоборотъ,—и все это происходило очень часто самымъ, казалось бы, нелѣпымъ и неожиданнымъ образомъ, неожиданнымъ даже для участниковъ драмы. Изученіе психологіи толпы, вѣроятно, съ развитіемъ своимъ, дастъ обществовѣду массу не только матеріаловъ, но и новыя точки зрѣнія и отправные пункты при постановкѣ прогнозовъ; статистика и другія описательныя науки, съ своей стороны, будутъ дѣлать почву для нихъ все болѣе и болѣе твердой. А до тѣхъ поръ, каждый добросовѣстный соціологъ признаетъ почти полное свое безсиліе, подавляющую ограниченность предѣловъ предвидѣнія, сводящую почти къ нулю практическое значеніе соціальныхъ предсказаній“ такъ пишетъ Е. В. Тарле въ своей статьѣ „къ вопросу о границахъ историческаго предвидѣнія“ (Очерки и характеристика изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкъ, 1904, стр. 143—158). И этотъ вдумчивый ученый правъ.

Но мы и не говоримъ о мотивированномъ предвидѣніи. Этого было бы недостаточно, какъ уже нами сказано, для *практическихъ дѣйствій*, для измѣненія міра. Мы также не говоримъ о причинной необходимости, ибо необходимость—предикатъ физико-химической и отчасти біологической эволюціи *). Идеалъ какой-бы онъ ни былъ, научно недоказуемъ; поэтому научный соціализмъ—это логическій абсурдъ. Въ идеалы вѣрятъ, къ идеаламъ стремятся. И къ нимъ приводитъ не *стихія* мертвой матеріи, а сознательная воля: они достигаются. Фр. Энгельсъ въ предисловіи къ 7-му нѣмецкому изданію „Коммунистическаго Манифеста“ пишетъ, что Марксъ *конечнаго торжества* принциповъ, выраженныхъ въ этомъ манифестѣ, ждалъ отъ *интеллектуальнаго развитія* рабочаго

---

*) См. объ этомъ трудъ Б. А. Кистяковскаго „Соціальныя науки и право“ (стр. 128—32), гдѣ онъ довольно подробно говоритъ о категоріяхъ *возможности* и *необходимости*. Но категорія же *неизбѣжности*, не какъ фаталистическая предначертанность во времени. а какъ понятіе соціальной психологіи, ждетъ своего Коперника; и оно, понятіе неизбѣжности, вскорѣ станетъ достояніемъ научной терминологіи.

класса. Запомнимъ это. Каутскій, анализируя совокупность факторовъ, опредѣляющихъ историческое развитіе, находитъ, что экономическій факторъ перемѣнный, а психологическій — постоянный. Нужно сказать, что *естественно-научный методъ* Каутскаго довелъ до абсурда въ историко-соціологическомъ вопросѣ. Если „психическое" будемъ мыслить какъ понятіе біофизіологическаго порядка, то оно можетъ—и то только при извѣстной постановкѣ вопроса—оказаться факторомъ постояннымъ. Но тогда это понятіе не будетъ имѣть никакого соціальнаго содержанія, что самое главное и что имѣлъ ввиду и Каутскій *). Это и есть сфера, мы говоримъ о психикѣ, гдѣ происходитъ *творчество* человѣческаго духа. Смертная и косная матерія („среда" и „условія") дѣлаетъ возможнымъ *творческій синтезъ* (Вундтъ), что „создаетъ наростаніе жизненныхъ цѣнностей" (Геффдингъ). Поэтому и Марксъ надѣялся *на интеллектуальное развитіе* пролетаріата, надѣялся, что оно передѣлаетъ міръ. Признать рѣшающую роль въ процессѣ ликвидаціи капиталистическаго строя за сознаніемъ, это отнюдь не значитъ проповѣдывать научную ересь. Уже въ своихъ тезисахъ о Л. Фейербахѣ Марксъ писалъ, что философы до сихъ поръ міръ объясняли, а дѣло заключается въ томъ, чтобы его измѣнить. Отсюда и дѣйственный призывъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь", ибо освобожденіе рабочихъ есть дѣло .ихъ самихъ. Это не въ бровь, а прямо въ глазъ тѣмъ нашимъ марксистамъ и марксофильствующей буржуазной печати, которые на каждомъ шагу твердили и твердятъ: „Россія для соціализма еще не готова" (слова Скобелева). Рабская, недостойная революціонера-соціалиста, покорность бытію! Бытіе *всегда* готово, но только сознаніе не всегда готово исполнить свой долгъ передъ идеаломъ... На себя бы поглядѣли!

И—такъ, не объ историческомъ предвидѣніи, не о необходимости идетъ рѣчь, а о *неизбѣжности*, какъ слѣд-

---

*) Каутскій неправильно употребилъ терминъ психическій, нужно было „психологическій". Первымъ обозначается понятіе физическое, вт рымъ - соціальное Неопозитивисты правильно считаютъ невозможной психологію безъ предварительной соціологіи.

ствіи требованія *моральнаго долга* и неподдѣльной человѣческой совѣсти, совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ страстей, связанныхъ съ инстинктомъ самосохраненія. Это не понятія метафизики, а самой подлинной дѣйствительности. Исторія знаетъ эпохи, когда бытіе всецѣло какъ бы поглощаетъ сознаніе и господствуетъ надъ нимъ. Это такъ называемыя эпохи органическаго развитія. Но ихъ обыкновенно смѣняютъ эпохи *критическія*, когда все какъ будто совершается по принципу *долженствованія*: сознаніе тогда передѣлываетъ бытіе сообразно своимъ соціальнымъ идеаламъ или же только утверждаетъ себя. Все, что кажется несправедливымъ, отметается съ презрѣніемъ въ сторону. Это заговорила неподдѣльная *совѣсть*. Новое правосознаніе разрываетъ въ клочки вѣками установленные законы и на ихъ мѣсто утверждаетъ себя. Господствующая идеологія и освященныя ею цѣнности теряютъ „рыночную цѣну", какъ товары, поддѣльность которыхъ установлена и объявлена во всеуслышаніе. „Величайшаго напряженія достигаетъ эмоція „справедливости" тогда, когда оно встрѣчаетъ особенно сильное сопротивленіе со стороны стараго порядка. Въ этихъ случаяхъ интуитивное право пріобрѣтаетъ все большую силу, доходитъ „у все большаго числа индивидовъ до энтузіазма и фанатизма", доводитъ ихъ „до фактической ненависти къ существующему порядку и его представителямъ, вызываетъ въ концѣ концовъ взрывъ, революцію". Успѣхъ ея объясняется тѣмъ, что на сторонѣ стараго порядка, идущаго въ разрѣзъ съ интуитивнымъ правомъ массъ, развивается неизбѣжное „этическое гніеніе", столь свойственное средѣ, лишенной моральной санкціи и сознанія своего права" [1]. На основаніи существующихъ имущественныхъ отношеній чувство и *инстинктъ самосохраненія* не найдутъ достаточныхъ гарантій для того, чтобы успокоиться на мысли, что создавшееся войной положеніе не повторится, что не будутъ опять принесены столь дорогія жертвы кучкѣ алчныхъ и безпечныхъ авантюристовъ—денежныхъ и про-

---

[1]) М. Г. Рейснеръ, Теорія Л. І. Петражицкаго, Марксизмъ и соціальная идеологія, 1903, стр. 94; Петражицкій, Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности, II, стр. 493—94.

мышленныхъ королей. Инстинктивно массы уже отворачиваются отъ своихъ „естественныхъ вождей“. Этотъ безсмысленный кровавый пожаръ Европы произвелъ величайшую революцію въ психологіи (не только въ психикѣ) людей. Нѣтъ уголка, гдѣ не задавались бы вопросы: когда кончится война? Почему и *для чего* воюютъ и отрываютъ отъ домашнихъ очаговъ самыхъ лучшихъ людей? Люди, которые жили только своей личной жизнью и имѣли только частный взглядъ на жизнь, теперь вынуждены расширить свой кругозоръ. Это повелительно диктуетъ инстинктъ самосохраненія. А на этой почвѣ выростаетъ правосознаніе, что массы сами должны опредѣлять свою судьбу. Та же самая почва и обусловитъ ту степень интеллектуальнаго развитія, о которой говоритъ Энгельсъ, передавая мнѣніе Маркса, и которая необходима для торжества коммунистическаго принципа. Жизненные импульсы понудятъ массы къ быстрому усвоенію новыхъ идеаловъ и пріемовъ дѣйствій, иначе, самообезпеченія. То, что въ органическія эпохи достигается годами, теперь возможно пріобрѣсти въ дни—недѣли [1]. Только критическія эпохи знаютъ такую интенсификацію духовной жизни. А что эта напряженная духовная жизнь оплодотворятся идеями соціальной демократіи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: революціонный пролетаріатъ пропитанъ ими уже полстолѣтіе подрядъ, и только онъ является *активнымъ* борцомъ за осуществленіе новыхъ идеаловъ, другихъ силъ нѣтъ. Имѣя это ввиду, мы не станемъ удивляться, что даже проф. Туганъ-Барановскій въ послѣднее время выпустилъ брошюру, въ которой говоритъ о соціалистической организаціи производства, какъ о фактѣ дѣйствительности недалекаго будущаго [2]... Значитъ, мы

---

1) „Въ этомъ бурномъ водоворотѣ революціи, въ этихъ мукахъ историческаго волненія, въ этомъ драматическомъ приливѣ и отливѣ революціонныхъ страстей, надеждъ и разочарованій, различные классы французскаго общества переживали за недѣлю цѣлыя эпохи развитія, которыя продолжались раньше полустолѣтія“. (К. Марксъ. Классовая борьба во франціи съ 1848 г. до 1850 г., р. 62).

2) Впрочемъ, этотъ почтенный профессоръ уже въ 1906 году писалъ въ такомъ же духѣ. „Въ общемъ, *никакихъ технически непреодолимыхъ трудностей введеніе соціалистической организаціи хозяйства не встрѣ-*

отнюдь не такіе безтолковые оптимисты, что походимъ на Марцису Виктора Гумилицкаго въ разсказѣ „Солдатъ". „Гусаръ игралъ только чувствительныя мелодіи. Ничего „казацкаго" изъ-подъ его пальцевъ не выходило. Заслушавшейся Мерцисѣ по временамъ казалось, что ангелы возносятъ ее на небо. Эти ангелы имѣли красные мундиры въ обтяжку, вышитые желтыми шнурами". Нѣтъ, соціализмъ завладѣетъ психологіей массъ не какъ незнаніе, а какъ настоятельная потребность, безъ удовлетворенія которую оставить нельзя...

Про Англію начала 70-хъ годовъ Марксъ писалъ, что она совершенно готова для соціализма, т. е. обладаетъ всѣми матеріальными условіями, необходимыми для него осуществленія, но, однако, соціализмъ остался „невозможенъ" вслѣдствіе отсутствія *революціонной страсти и духа обобщенія*, и это констатировалъ самъ Марксъ. Мы счастливѣе нашихъ предшественниковъ. Затянувшаяся война наполнила всю Европу страстью и ненавистью. Повсюду развивается въ массахъ глубокое желаніе міра. И какъ магометанинъ, вознося молитву Аллаху, поворачивается лицомъ въ сторону Мекки, такъ взоры европейской демократіи, какъ свидѣтельствуетъ заграничная делегація Совѣта Р. и С. Депутатовъ (тел. въ „Нов. Жизни" отъ 30-го августа), обращены къ русской революціи. Но это желаніе міра встрѣчаетъ упорное противодѣйствіе со стороны правительствъ и дирижерствующихъ общественныхъ кликъ. Гражданскій миръ все продолжающаяся война превращаетъ въ гражданскую войну. *Сама война изъ войны государствъ или народовъ мало-по-*

тишъ. И это нужно твердо признать и запомнить. Соціалистическій строй не есть несбыточная мечта объ утерянномъ человѣческомъ раѣ, не досужее умозрѣніе или праздная фантазія, а такой строй общественнаго хозяйства который, хотя и не можетъ быть осуществленъ немедленно во всемъ своемъ объемѣ, но уже въ настоящее время можетъ быть вполнѣ реальной цѣлью практической политики. Конечно, ни одна историческая революція, ни одинъ общественный переворотъ не можетъ даже отдаленно сравниться съ грандіозностью грядущаго соціальнаго преобразованія. Поистинѣ, это будетъ новое рожденіе человѣчества въ силѣ и свободѣ". (Современный соціализмъ etc, 258). Пусть запомнятъ эти слова не-марксиста наши марксисты à la Скобелевъ, Церетелли, Либеръ и Comp.!

малу превращается въ войну неимущихъ противъ имущихъ правящихъ классовъ. Взоры массъ покидаютъ полосу смерти и устремляются на „отвѣтственныхъ политиковъ". Рѣчи послѣднихъ привлекаютъ больше вниманіе, чѣмъ катастрофическіе прорывы фронта. Проблема власти пріобрѣтаетъ доминирующее значеніе. Не отъ измѣненій линіи фронта стратегическаго, а отъ перемѣнъ кабинетовъ массы ожидаютъ исполненія своихъ желаній мира. И ясно: когда всѣ комбинаціи „отвѣтственныхъ" политическихъ группъ не дастъ реальнаго удовлетворенія, тогда наступитъ *диктатура „безотвѣтственныхъ" силъ*, правильно говоря: отвѣтственныхъ передъ идеаломъ. Таковой отвѣтственностью пропитана соціальная работа только одного класса—пролетаріата, который будетъ готовъ и небо штурмовать!

Передъ бурей...

Передъ бурей наступаетъ тишь; и только относительная. И почти передъ каждымъ общественнымъ сотрясеніемъ переживается полоса спокойствія. Великая французская революція 1789 г. явилась чудомъ въ такой же степени, какъ русская революція 1917 года. 1848 годъ въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Во франціи старый дилижансъ въ концѣ 80-хъ годовъ 18-го столѣтія катился мирно впередъ по мостовой исторіи; нужны были кой-какія починки, но, по свидѣтельству самого Тюрго, незначительныя. А вдругъ, ни съ того ни съ сего, пришлось весь дилижансъ со всѣмъ экипажемъ сдать въ архивъ исторіи. Правда, были „безумно бредящіе" бездѣльники, которые занимались философіей и строили воздушные замки. Но развѣ обладающимъ всею полнотою власти приличествуетъ обращать на нихъ вниманіе! И что же: вершители судьбы государства „ошиблись"—*не дооцѣнили „ослушныхъ" силъ*. И такъ всегда: кануны всѣхъ предшествующихъ революцій отличались этимъ „легкомысліемъ" находящихся у государственнаго руля.

Е. Тарле свои уже цитированные „Очерки и характеристики" начинаетъ такъ: „Въ послѣднюю половину XIX-го столѣтія въ направленіи западно-европейской общественной мысли совершился переворотъ, истинное значеніе котораго начинаетъ обнаруживаться лишь теперь; этотъ переворотъ наложилъ совершенно явственный отпечатокъ на всю умственную жизнь европейскаго общества. Подобно всякому сложному и широко развѣтленному явленію, онъ не поддается ни широкимъ опредѣленіямъ, ни коротенькимъ кличкамъ; наиболѣе характернымъ признакомъ его является—*упадокъ революціонизма*. Не рискуя впасть въ ошибку, можно утверждать, что вся

исторія истекшаго пятидесятилѣтія заключалась ***въ постепенномъ исчезновеніи революціонныхъ тенденцій и чувствъ изъ умственнаго и моральнаго обихода западно-европейскаго общества***, и что коренныя явленія соціальной и политической эволюціи тѣсно переплетались съ этимъ основнымъ руководящимъ мотивомъ, то обусловливая его, то, въ гораздо слабѣйшей степени, сами имъ обусловливаясь" (Op. cit., p. 1. Разрядка наша). Почему это такъ? И историкъ Тарле, соціологически интерпретируя фактъ, отвѣчаетъ: „Громадное, неслыханное развитіе промышленности позволяло отчасти (?) капиталистамъ мириться и съ укороченіемъ рабочаго дня, и съ повышеніемъ заработной платы, и съ обязательными страхованіями, а упрочившіеся новые политическіе порядки, съ участіемъ рабочихъ въ парламентѣ, давали этому толчокъ. Положеніе рабочаго класса во всѣхъ промышленныхъ странахъ зап. Европы улучшилось, и обнаружилась даже небывалая раньше тенденція: извѣстная часть рабочаго класса, ставя въ зависимость развитіе собственнаго благосостоянія отъ захвата государствомъ внѣшнихъ рынковъ, сблизились съ промышленной буржуазіей какъ разъ въ области самыхъ существенныхъ вопросовъ; увлеченіе милитаризмомъ, маринизмомъ и колоніальными успѣхами несомнѣнно коснулось уже и англійскаго, и нѣмецкаго, и французскаго рабочаго въ нѣкоторыхъ промыслахъ. Такимъ образомъ, если рабочій классъ въ его значительной части пересталъ быть революціоннымъ *за страхъ*, то часть этого класса перестала быть революціонной и *за страхъ*, и *за совѣсть*" (Op. cit. 51—52).

Значитъ, все обстоитъ такъ, какъ желательно великимъ міра сего. Старый дилижансъ можетъ безъ треволненій продолжать свой путь. Рабочіе увлечены успѣхами имперіалистической политики и восхищаются великой мощью „своихъ" державъ. Удара и неожиданностей неоткуда ожидать! Но діагнозъ Тарле въ корнѣ неправиленъ. *Отсутствіе драматическихъ внѣшнихъ выявленій революціонной потенціальной энергіи отнюдь не означало и не означаетъ, что исчезли революціонныя тенденціи и чувства.* Армія пролетаріата, готовящаяся къ „послѣднему и

рѣшительному бою“ съ „позорной властью капитала“, не похожа на тѣ „волнующіяся массы“ людей, которыя совершали буржуазныя революціи, т. е. дали возможность „третьему сословію“ ликвидировать феодальную власть. Эта армія, преслѣдуя конечную свою цѣль—перестройку всѣхъ имущественныхъ и производственныхъ отношеній, должна была, сообразуясь съ новой міровой и соціальной обстановкой, выработать и свои стратегію и тактику. Уже Энгельсъ категорически высказался, что прошло время инсуррекціонныхъ выступленій и баррикадъ, и что измѣнившаяся среда повелительно требуетъ отбросить старые пріемы борьбы и выработать новые. Чѣмъ ближе пролетаріатъ подходитъ къ соціалистическому идеалу, тѣмъ больше борьба перемѣщается изъ области политической въ область экономическую. Та борьба, которая происходитъ въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній, не всегда рябитъ политическую „поверхность“. Эта послѣдняя, въ формѣ такъ именуемаго правового государства, достаточно эластична и оставляетъ достаточно простора для борьбы эксплоатируемыхъ съ эксплоататарами, и эта борьба имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ встряски, производимые недисциплинированными партизанами. Поэтому-то мы резолюціи, принятыя организованными рабочими „въ Сенъ-Галленѣ, въ Эрфуртѣ, въ Штутгардѣ“, не считаемъ „стереотипными фразами, мертвыми, сѣрыми, холодными“ (Тарле, op. cit., p. 52). Въ нихъ проглядываетъ обвѣянная великой цѣлью соціальная мудрость. Эту новую форму соціалистическаго движенія наканунѣ окончательнаго боя учли и нѣкоторые ученые съ міровымъ именемъ. Такъ, напримѣръ, историкъ Лависсъ въ началѣ 1910 года во французской академіи произнесъ слѣдующія, полныя тревоги, слова: „Демократія, для которой *насталъ часъ*, не примиряется съ порядкомъ, который не для нея былъ сдѣланъ, и гдѣ приняты даже большія предосторожности противъ нея. Она ищетъ порядка, который ей подходитъ, совсѣмъ какъ дѣлали ея предшественники, король и буржуазія. Но тогда какъ идеалъ монархіи ясенъ и взгляды и интересы господствующаго класса находятъ удовлетвореніе въ нѣсколькихъ строкахъ, занесенныхъ

въ хартію,—демократія начинается съ огромной сумятицы инстинктовъ, страстей и идей. Она не знаетъ и не можетъ знать навѣрняка, чего хочетъ, и никто не въ состояніи предложить ея неяснымъ стремленіямъ планъ будущаго государства. Стѣсненная, раздраженная учрежденіями, законами и обычаями, она нападаетъ на всѣ устои нынѣшняго государства; и все колеблется и кажется приближающимся къ крушенію". Насталъ часъ демократіи, и „огромная сумятица инстинктовъ, страстей и идей", но все-таки нѣтъ политическаго *дѣйствія* въ старомъ смыслѣ этого слова. Дѣйствіе влечетъ за собой непосредственную отвѣтственность и реакцію противодѣйствующихъ силъ. При всемъ этомъ не слѣдуетъ выпускать изъ виду, что пролетаріатъ уже имѣетъ *свое отечество* внутри буржуазнаго „отечества-государства"; онъ сдѣлалъ уже не одинъ шагъ по пути конституировинія себя въ націю: имѣетъ свои организаціи, печать, литературу, искусство и пр., пр., гдѣ „дышится груди вольнѣй". Такъ что, у пролетаріата уже есть, что можетъ онѣ потерять, играя безразсудно va-banque и не учитывая должнымъ образомъ соотношеніе силъ—своихъ и врага. Само собой понятно, что это не дастъ ни малѣйшаго повода говорить объ упадкѣ революціонизма, понимаемаго не вульгарно. Послѣдняя четверть 19 го вѣка и начало 20-го вѣка—это *подготовительная стадія*, собирающая силы пролетаріата и уясняющая цѣли и средства.

Еще менѣе состоятельно утвержденіе г. Тарле, что „извѣстная часть рабочаго класса" ставитъ или ставила улучшеніе своего положенія въ связь съ преуспеваніемъ буржуазіи на внѣшнихъ рынкахъ. Этого даже Максъ Шиппель не проповѣдывалъ въ своихъ „Grundzüqe der Handelspolitik". Шиппель говорилъ не о благосостояніи рабочихъ. а объ ускореніи развитія капиталистическаго накопленія: это квинтъ-эссенція его мыслей. Быть можетъ кто-нибудь надѣялся на чудодѣйственную силу крошекъ съ господскаго стола, но идеологическаго выраженія это не получило. Во всякомъ случаѣ, сомнительно само существеніе такихъ настроеній, какъ явленія соціальной значимости. Несоразмѣрныя увеличеніе богатствъ и кон-

солидація могущества враждебныхъ сторонъ можетъ вызвать только чувство зависти. Несомнѣнно, что растетъ соціальная нищета—т. е. „несоотвѣтствіе между запросами рабочаго человѣка и возможностью удовлетворить этимъ запросамъ“. И неумолимѣе всякихъ субъективныхъ желаній все же объективный міръ вещей: „соціальные актагонизмы въ нѣдрахъ современнаго общества не сглаживаются, а растутъ“... (см. М. Туганъ-Барановскій—Современный соціализмъ въ своемъ историческомъ развитіи, 1906 г. фр. 93—102). А при такихъ обстоятельствахъ говорить объ упадкѣ революціонаго духа значитъ поддаваться оптическому обману: кажущееся принимается за дѣйствительно сущее.

Въ это время, во время политическаго затишья, происходитъ углубленное самоуясненіе и самокритика соціалистическихъ доктринъ. Особенно ученіе Карла Маркса о борьбѣ классовъ и крушеніи капиталистическаго строя и о роли пролетаріата, подъ вліяніемъ кантіанства, претерпѣваетъ значительное измѣненіе: изъ теоріи развитія капиталистическаго общества въ цѣломъ, теоріи, не безъ основанія уличаемой въ фатализмѣ, оно превращается въ дѣйственную „философію борбы“. Если въ началѣ своего распространенія марксизмъ обращалъ главное вниманіе на объективное состояніе общественнаго бытія, то впослѣдствіи все больше и больше доминирующее мѣсто въ комплектѣ его идей занимаютъ вопросы сознанія и становленія, проблемы свободнаго стремленія къ цѣлямъ и должествованія.

Этотъ идеологическій сдвигъ не стоитъ обособленно отъ историческаго процесса въ цѣломъ. Его корки уходятъ глубоко въ соціальную психологію. Если „первоначальное накопленіе“ капитала въ Зап. Европѣ вызвало къ жизни „утопизмъ“, пропитанный этицизмомъ, то въ прямую зависимость отъ „современной фазы капитализма“—„безличнаго“ или „фондоваго“ капитализма и имперіализма—приходится ставить и нѣкоторыя современныя идеологическія напластованія. Бѣшенная погоня капиталистовъ и ихъ „конторъ“—правительствъ [1]) за новыми рынками и

[1]) Одинъ депутатъ французскаго парламента въ разговорѣ съ Анатолемъ Франсомъ патетически воскликнулъ: „Наше морское министерство на

„сферами вліянія“ и ихъ насилія надъ „некультурными народами“ естественно начало будить совѣсть „внѣклассовой интеллигенціи“. Тамъ-и-сямъ раздавались протестующіе голоса. „Когда вглядываешься въ подвиги государствъ, именующихъ себя носителями цивилизаціи, по отношенію къ новому собрату, вступающему на путь свободнаго политическаго развитія, то начинаешь понимать, какъ одинъ французскій „антипатріотъ“ могъ писать по адресу жертвъ французской же колоніальной политики: „добрые друзья, марокканцы! соберите все ваше мужество, весь вашъ героизмъ, котораго у васъ, къ сожалѣнію, больше, чѣмъ усовершенствованныхъ пушекъ и ружей, и бейте, бейте изо всей силы моихъ милыхъ соотечественниковъ, тѣхъ самыхъ доблестныхъ патріотовъ, которые тридцать пять лѣтъ уже вопятъ объ отнятыхъ у нихъ Эльзасѣ и Лотарингіи, а сами расправляются съ вами тысячу разъ хуже, чѣмъ когда-то нѣмцы съ нами... И да почіетъ благословеніе Аллаха на васъ, доблестные враги моего звѣринаго отечества! Аминь!“... Это плоды такъ называемой „усиленной національной политики“, политики капиталистическаго паропусканія. Оказалось, что она, такъ рекомендуемая фонъ-Бюловымъ (см. его „Державную Германію“) и нашимъ ген.-ад. Куропаткинымъ (см. „Задачи русской арміи“, 3 т.т.)—орудіе обоюдоострое. Увлекая нѣкоторую часть *мѣщанства*, (не рабочихъ нѣкоторыхъ промысловъ, какъ утверждаетъ Тарле), она возстанавливаетъ противъ себя сознательный пролетаріатъ, который началъ вести систематическую борьбу противъ милитаризма и маринизма и колоніальной политики. Но „безличный капитализмъ“—синдикаты и трэсты, возглавляемые банками, осуществляющими „концентраціонный принципъ“ современнаго экономическаго развитія—вліялъ и въ дру-

---

ходится не на rue Royale въ Парижѣ, а на заводѣ Шнейдера, въ Крезо!“... Военная и желѣзная индустрія, монополизируя всѣ средства защиты „отечествъ“, диктуетъ свою волю королямъ и празидентамъ. Кого интересуетъ роль желѣзной промышленности въ международныхъ отношеніяхъ, тотъ съ пользой прочтетъ книгу М. Павловича:“ Великіе желѣзнодорожные и морскіе пути будущаго“. Въ этой книгѣ освѣщены всѣ основные вопросы международной политики.

томъ направленіи. Когда вся поверхность земного шара оказалась раздѣленной между имперіалистическими акулами, когда нечего было пріобрѣсти, расширяясь во внѣ, тогда началось „осѣданіе капитализма на мѣстѣ", т. е. его привлекли проблемы внутренней экономической политики. И что же! Въ періодъ, когда какъ-будто бы язвы капиталистическаго строя—„анархія", кризисы—внутренно имъ же изжиты [1]), онъ не пошелъ по пути увеличенія емкости внутренняго рынка, покупательной силы массоваго потребителя, а всталъ на путь старой системы выжиманія пота, уснащенной вылазками противъ свободы экономической борьбы, особенно свободы стачекъ и забастовокъ.[2]) Понятно, что это накопляло въ рабочихъ массахъ скрытое и явное недовольство и нравственное возмущеніе. Это на всѣ лады *„трактуется"* въ пролетарской беллетристикѣ. И этотъ нравственный феноменъ, то-и-дѣло переходя въ опредѣленныя формы правосознанія, сыграетъ крайне революціонную роль. Ибо и при соціалистической революціи немыслимо, что массы будутъ руководствоваться принципами возможно большаго раціонализированія производства хозяйственныхъ благъ: ихъ будутъ двигать нравственное возмущеніе противъ гніющаго общества" и фантомъ счастья, или же какой-нибудь конкретно-историческій „случай"... Раціонализація придетъ сама собой.

Мы обрисовали тотъ базисъ, на которомъ могъ произойти выше отмѣченный идеологическій сдвигъ. Но, кро-

---

[1]) „Помимо значенія концентраціи банковъ въ смыслѣ распредѣленія рисковъ, это новѣйшее явленіе можетъ имѣть и отчасти уже проявляетъ еще другое, несравненно болѣе важное вліяніе на нормальное теченіе народнаго хозяйства. Мы имѣемъ въ виду *вліяніе концентраціи банковъ на смягченіе характера кризисовъ, вызванныхъ перепроизводствомъ товаровъ"* (см. Е. Эпштейнъ—Депозитные банки и ихъ вліяніе въ народномъ хозяйствѣ, „Русск. Мысль", 2. 1909 г.). А проф. Каблуковъ въ одной изъ своихъ лекцій въ Конст. Межевомъ Институтѣ прямо заявилъ, что кризисы—явленія прошлаго.... Тенденція имъ отмѣчена правильно.

[2]) „До сихъ поръ промышленная буржуазія была мирно настроена и шла на уступки рабочимъ. Современный же капитализмъ (финансовый) склоненъ къ насилію"... Такъ Сорель передаетъ взглядъ Кауж[с]каго (см. Соціальные очерки современной экономіи, стр. 323, 1908).

мѣ „революціи въ сердцахъ и головахъ“, „безличный капитализмъ“ и объективно облегчилъ работу революціонеровъ-соціалистовъ. Уже мы вскользъ отмѣтили тотъ фактъ новѣйшей хозяйственной фармаціи, что банки въ народномъ хозяйствѣ стали играть дирижерствующую роль, что они, сами концентрируясь, завладѣваютъ всѣми главными отряслями индустріальнаго производства. И существуетъ въ наукѣ распространенное „мнѣніе, что наблюдаемный теперь процессъ аккумуляціи капиталовъ и канцентраціи банковъ есть прямой путь, ведущій къ осуществленію соціалистическаго государства“ (Эпштейнъ, цитир. ст.) Такъ, между прочимъ, и Рудольфъ Гильфердингъ въ своемъ „Финснсовомъ капиталѣ“, появившемся въ 1910 году, пишетъ: „финансовый капиталъ приводитъ распоряженіе общественнымъ производствомъ все болѣе въ руки незначительнаго числа крупныхъ ассоціацій капитала... Финансовый капиталъ по своей тенденціи означаетъ установленіе общественнаго контроля надъ производствомъ. Но это обобществленіе на антагонистическихъ началахъ: господство надъ общественнымъ производствомъ остается въ рукахъ олигархіи... Обобществляющая функція финансоваго капитала облегчаетъ необыкновенно преодоленіе капитализма. Лишь только финансовый капиталъ подчинитъ своему контролю важнѣйшія отрасли производства, достаточно, если общество черезъ свой сознательный исполнительный органъ, завоеванную пролетаріатомъ государственную власть, овладѣетъ финансовымъ капиталомъ, чтобы взять немедленно въ свои руки распоряженіе важнѣйшими отряслями производства. Отъ этихъ отраслей зависятъ всѣ другія, а господство надъ крупной индустріей означаетъ, такимъ образомъ, самый дѣйствительный общественный контроль, даже безъ дальнѣйшаго непосредственнаго обобществленія“ (нѣм. изд. 1910 г., ss. 472—3, см. ст. г. Финна-Енотаевскаго — Современный капитализмъ, „Совр. Міръ“, 1913 г.) Эти выводы ученаго экономиста понятны „безъ всякихъ комментаріевъ. Но слѣдуетъ все-таки вниманіе обратить на послѣднюю процитированную фразу: „безъ дальнѣйшаго непосредственнаго обобществленія“ можно собаку перешагнуть, т. е. можно крупными предпріятіями главныхъ

отраслей производства завладѣть, а потомъ постепенно „ввести соціализмъ“, по рецепту „реформистовъ“, и въ другихъ, второстепенныхъ и мелкихъ, отрасляхъ и предпріятіяхъ. Зная это, мы можемъ дать должную оцѣнку и тѣмъ воплямъ объ „анархизаціи“ и предостереженіямъ о незрѣлости Россіи для соціализма, которыя насытили атмосферу русской революціи. Прежде всего, они интерпретировали марксизмъ, какъ теорію фаталистическую, а потомъ „марксизировали“ дѣйствительность, т. е. „узаконили“ неприкосновенность священной частной собственности и военныхъ сверхъ-прибылей. Или, быть можетъ, это только демагогія (буквально: запугиваніе, что демократія не справится съ задачами по организаціи хозяйства!) „парламентскихъ“ котерій, польщенныхъ лестью буржуазныхъ златоустовъ? И то, и другое. Но какъ бы то ни было, съ точки зрѣнія соціалистической политики, или, просто, практической политики, „бредовыя рѣчи“ Ленина проводили несравненно болѣе реалистическіе принципы, чѣмъ „заувѣренія“ и „уговариванія“ Плеханова.

Какъ мы видимъ, наканунѣ великаго мірового пожарища соціалистъ не могъ быть пессимистомъ: историческая дѣйствительность все усиливала шансы на близкое осуществленіе идеала. Объективныя, матеріальныя условія созрѣли. Осталось дерзнуть „внутреннему врагу“.

Русская революція.

Дальше некуда было итти! Страна изнемогала, а правительство Николая II преступно бездѣйствовало. Оно дошло до того, что всѣмъ стало ясно, что такъ дальше жить нельзя. И когда на совершенно невинное требованіе думскаго „прогрессивнаго блока“ дать министерство „народнаго“ довѣрія (даже не отвѣтственное передъ думой) послѣдовалъ 25-го февраля роспускъ „парламента“, судьба династіи Романова была рѣшена: когда петербургскіе рабочіе и солдаты заарестовали ея министровъ, когда „взяли въ плѣнъ“ самого царя-самодержца, страна облегченно вздохнула, и не было силы, которая выступила бы въ защиту гибнувшаго величія! При яркомъ свѣтѣ революціи всѣ гады и „темныя силы“ куда-то попрятались, сдали позиціи безъ боя, выражаясь на языкѣ военнаго времени, можно сказать,—дезертирствовали. Несмотря на всѣ „хитрыя“ акты „отреченій“ (для младенца Алексѣя, съ цѣлью черезъ посредство плебисцита узнать волю народа, облеченіе „всей полнотой власти“ Временнаго Правительства), которые полны скрытыхъ надеждъ, высшая власть вся перешла вскорѣ въ руки народа—въ лицѣ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ. Временное Правительство, образованное временнымъ комитетомъ 3-е іюньской думы, хотя и съ согласія рабочихъ, было только властью номинальной. Совѣтъ контролировалъ и направлялъ его дѣятельность, несмотря на демагогическіе вопли со стороны цензовой Россіи о „двоевластіи“. По логикѣ самой революціи, власть должна перейти къ тѣмъ, кто устранили старыхъ властителей; она должна до „учредительнаго собранія“ находится въ рукахъ народа—солдатъ, рабочихъ и крестьянъ. Никто другой не имѣетъ никакого права претендовать на постъ временнаго хозяина земли русской.

О дворянствѣ нечего говорить; оно отсуствуетъ на аренѣ русской революціи, какъ открытая реальная сила; оно, какъ сословіе, до мозга костей пропитанное частнымъ пониманіемъ жизни, никогда и не могло подняться даже въ понятіи до общегосударственной точки зрѣнія (см. хотя бы полемику Н. Михайловскаго съ „Гражданиномъ"). И во время войны, когда на всѣхъ перекресткахъ тромбонили о жертвенности и отрѣшенности, преслѣдовало только свои частные интересы! Наши торгово-промышленные круги—купцы, фабриканты, заводчики, банкиры—не многимъ лучше дворянства. Ихъ опекали Романовы, какъ родныхъ дѣтей, собирали въ „единую храмину"; „не гнѣвать, а приласкать" приказывала Екатнрина II—и такъ на протяженіе всей исторіи. Разумѣется, такое положеніе не могло развить духа иниціативы, и его наша буржуазія и не проявляла ни въ политической, ни даже въ хозяйственной сферѣ. Государство играло у насъ роль „и отца, и акушера" въ эпоху первоначальнаго накопленія, а позже, защищая сонъ ея прекрасный отъ прохладныхъ вѣтровъ, оградила ее почти запретительнымъ частоколомъ (таможенной стѣной). Политика думскаго „прогрессивнаго блока" ясно показываетъ, что наша буржуазія не имѣла ни капли крови, искренно жаждущей положить конецъ царскому произволу. Кадеты какъ-будто позабыли всѣ свои профессорскія познанія въ области права, когда требовали „министерства народнаго довѣрія" и когда и во время революціи кричали о полномъ довѣріи Временному Правительству. Съ точки зрѣнія юридической, такое требованіе не можетъ быть оправдано, а съ политической—оно просто глупо. „Новая власть сильна именно тѣмъ, что она, прямо или косвенно, опирается на народное довѣріе..., *а довѣріе невозможно тамъ, гдѣ нѣтъ дѣйствительной отвѣтственности:* въ организаціи ея лежитъ ключъ къ пониманію современнаго правового государства" (С. А. Котляревскій—Правовое государство и внѣшняя политика, стр. 425). Это поистинѣ азбучная истина „государственнаго пониманія". Когда произошло первое столкновеніе между революціонной демократіей и Временнымъ Правительствомъ (20—21-го апрѣля), я въ Казанскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ указалъ, что

безсмысленно выражать довѣріе, а нужно требовать установленія отвѣственности временной власти, чтобы не могли имѣть мѣсто печальные инциденты. Потомъ на Съѣздѣ Совѣтовъ объ этомъ заговорилъ Луначарскій, что было объявлено абсурдомъ, ибо, спрашивали: какъ возможно отвѣственное правительство безъ установленной учредительнымъ собраніемъ конституціи! Возможно, ибо и каждая конституція въ конечномъ итогѣ представляетъ собою реальное соотношеніе силъ въ государствѣ, а такое соотношеніе существуетъ во всякое время. Мы отклонились нѣсколько отъ темы о роли буржуазіи. Дѣло въ томъ, что во всемъ этомъ проглядываетъ *негосударственный взглядъ* кадетовъ на государственныя дѣла.

Кадеты, ни по праву революціи, ни по своимъ „историческимъ заслугамъ", не могутъ обладать властью. Остаются тѣ, кто совершали революцію—рабочіе и крестьяне, и тѣ, и другіе въ сѣрыхъ шинеляхъ солдатъ.— Они добыли свободу, они отвѣтственны за нее; они должны править, осуществляя принципъ народовластія. Всякія же домогательства цензовыхъ элементовъ—это вызовъ революціи и демократіи. Развѣ нужны другія доказательства негосударственности кадетъ, кромѣ повышенія цѣнъ на военныя поставки въ то время, когда они сами призывали страну къ жертвамъ! Ихъ антигосударственныя требованія ставятъ въ неловкое положеніе даже буржуазныхъ же ихъ коллегъ изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей". Такъ, Брусиловскій недоумѣвалъ, какъ могутъ кадеты въ нашихъ условіяхъ не соглашается съ декларацiей 8-го іюля, большинство требованій которой уже давно проведены въ жизнь германскими юнкерами, а также во Франціи и Англіи. Поэтому понятно, что первому Временному Правительству, а также и второму, въ которомъ засѣдало уже шесть министровъ—соціалистовъ—довѣрять нельзя было, даже формула „поскольку—постольку" была неумѣстна. Хотя и была установлена Совѣтомъ отвѣтственность передъ нимъ соціалистовъ-министровъ, это положенія не спасло; *эта частичная, дробная отвѣтственность Временнаго Правительства на дѣлѣ оказалась только проводникомъ буржуазнаго вліянія на Совѣтъ*: министры постоянно уговаривали, что „иначе нельзя", что страну спа-

сетъ только ихъ политика. И до того Совѣтъ „образумился", что даже послѣ декларацiи 8-го iюля Временное Правительство безпрепятственно проводило кадетскую программу. Не будемъ говорить о персональномъ составѣ Временныхъ Правительствъ; тогда въ немъ мѣста, изъ за приличiя, нельзя было давать Гучкову, хвалителю усмирителя Дубасова. Не это важно. Важно то, что въ моментъ, когда нужны самыя рѣщительныя и быстрыя дѣйствiя, „выдумали" *коалицiонное министерство*. Опять кадеты изъ-за личныхъ разсчетовъ забыли исторiю конституцiонной практики. „Кабинетъ долженъ быть *однороднымъ*, такъ какъ онъ дѣйствуетъ какъ одно цѣлое, рѣшая въ Совѣтѣ правительственные акты. Нужно чтобы между его членами существовало *единство взглядовъ*, дабы онъ могъ придать правительству твердое и увѣренное направленiе" (см. проф. Эсменъ—Общiя основанiя конституцiоннаго права, 1909 г., стр. 105), и чтобы не создалось положенiе, какое рисуетъ Крыловъ въ баснѣ „Лебедь, щука и ракъ".

Принципъ каждой революцiи: „куй желѣзо, пока горячо", а не „тише ѣдешь, дальше будешь", т.-е. не откладыванiе вопросовъ въ долгiй ящикъ, а ихъ быстрое разрѣшенiе. На каждомъ шагу мы имѣетъ возможность убѣждаться, что спасительнѣе для общественнаго цѣлаго не длительные кризизы, а ихъ разряженiе, хотя бы даже и неправильное. Съ охлажданiемъ революцiи все непосильнѣе становится разрѣшенiе основныхъ вопросовъ. И отсюда лозунгъ имущихъ классовъ: „ничего не тронуть до учредительнаго собранiя". Это очень не глупо съ ихъ точки зрѣнiя, ибо на основанiи старыхъ соцiальныхъ и экономическихъ отношенiй, старой „базы", имъ легче создать контръ-революцiю.

Зачѣмъ кадетамъ нужна была коалицiонная власть? *Чтобы провести на дѣлѣ*, хотя бы подъ чужимъ флагомъ, свою *точку зрѣнiя*, что имъ и удалось. Кадеты-дѣльцы, а не фразеры, каковыми себя зарекомендовали революцiонные котерiи—Керенскiй, Церетелли, Скобелевъ и Сотр. Ни одна революцiя не знаетъ такихъ мощныхъ организацiй, какъ наши Совѣты, и только, заручаясь ихъ одобренiемъ и содѣйствiемъ, и мыслимо управлять. Они три мѣсяца были всесильны (апрѣль, май, iюнь). И все-таки

они пошли на союзъ съ первыхъ же минутъ революціи съ контръ-революціонной буржуазіей.

Съ первыхъ же шаговъ революціи она что-то бормотала о регенствѣ Михаила и будущемъ царствованіи младенца Алексѣя [1]). „Реставривать“ психологически романовскую династію пытается В. Маклаковъ; будто въ нашихъ свободахъ запечатлѣны и заслуги Романовыхъ! И только потому кадеты изъ программы своей вычеркнули монархію, что иначе слишкомъ ясенъ былъ бы для народа ихъ контръ-революціонный обликъ. Но контръ-революціонность буржуазіи не только въ ея симпатіяхъ къ своимъ бывшимъ опекунамъ изъ свергнутой династіи. Кстати, она никогда не была революціонной in concreto. Всегда революціонны были только крестьянство и рабочій классъ, которыя никогда не могутъ и не должны удовлетвориться, завоевавъ „птичью“ политическую свободу: политическую революцію они должны—это диктуетъ ихъ бѣдственное положеніе—углублять въ соціальную, а это и обусловливаетъ контро-революціонность имущихъ классовъ—буржуазіи и дворянства. Совѣты р., с. и крестьянскихъ депутатовъ, имѣя въ своихъ рукахъ всю власть и всѣ силы, все-таки поддались „внушенію“ и дали буржуазному министерству даже неограниченныя полномочія, т. е. на время сами себя убили. Это—безпримѣрное въ исторіи „отчужденіе“ власти демократіей для буржуазіи. И это—не почетная координація силъ, а самая постыдная субординація интересовъ неимущихъ благоусмотрѣнію ихъ господъ и работодателей. Разумѣется, что такое „братаніе“ „революціонной“ демократіи, въ лицѣ ея правящихъ партій, совѣтскаго большинства, эсъ-эровъ и соц.-дем. мень-

---

[1]) „Война необходима, чтобы э о дитя царствовало“. Эти слова принадлежатъ императрицѣ Евгеніи. Она ихъ произнесла въ моментъ колебанія Наполеона III, объявлять ли войну Германіи, или нѣтъ,—указывая на маленькаго сына Loulou. Таковъ же скрытный смыслъ кадетской формулы: „война до побѣды“. Война убила монархію, можетъ убить и республику. Война—это самое „неестественное“ состояніе общества для внутренняго его устроенія. Бонье въ 1904 году на амстердамскомъ конгрессѣ напомнилъ, что „побѣдоносная война“ можетъ дать только побѣдоноснаго генерала à la Корниловъ и Калединъ,

шевиковъ, съ контръ-революціонной буржуазіей демократіи и революціи ничего положительнаго дать не могло. Даже явная неспособность коалиціоннаго министерства, разрѣшить самые насущные вопросы внутренней политики не раскрыла глазъ у демократіи; иллюзія, что можно впрячь въ одну колесницу и волка, и овечку, не изжита даже послѣ Корниловскаго мятежа, о чемъ свидѣтельствуетъ воззваніе петербургскихъ меньшевиковъ, что единственное спасеніе—въ коалиціи. И это послѣ трехмѣсячнаго „сотрудничества“, при все возрастающей разрухѣ, при все усиливающемся недовольствѣ и неудовлетворенности народныхъ массъ. Такая безотвѣтственная политика можетъ привести къ тому, что страна будетъ рада каждому, кто пообѣщаетъ ей избавленіе отъ „революціоннаго“ Временнаго Правительства! Первая попытка Корнилова окончилась пораженіемъ контръ-революціонныхъ „захватовъ“, но Корниловъ II уже будетъ имѣть большій успѣхъ. Вмѣсто того, чтобы отстаивать политику удовлетворенія народныхъ нуждъ и запросовъ, совѣтское большинство какъ-бы молчаливо провозгласило принципъ „свободы для свободы“, свободы *отъ* всѣхъ программъ и идеаловъ, свободы *къ* спокойствію и порядку. За такую кастрацію революціи эсъ-эры и меньшевики будутъ отвѣтственны передъ потомствомъ и исторіей. Но это нужно было буржуазіи для того же, чему служила и „коалиція“ [1]: эта „политическая пустота“, созданная „воздержаніемъ“ демократіи, предоставила возможность буржуазіи пользоваться „коалиціей“, какъ техническимъ средствомъ, для осуществленія своихъ задачъ. А эти задачи были: продолженіе войны до побѣднаго конца и удержаніе соціальнаго status quo съ урѣзываніемъ завоеванныхъ свободъ.

---

[1]) Кстати замѣтимъ, что у насъ даже „коалиціоннаго правительства“, въ истинномъ смыслѣ этого слова, не было. „Коалиція“ подразумѣваетъ и компромиссъ—собирательную волю, которую проводитъ въ жизнь. А этого-то у насъ и не было. Кадеты имѣли императивныя мандаты—не отступать отъ программы дѣйствій своего ц.-к, А амплитуда дѣйствій соціалистовъ-министровъ не была ограничена, и имъ приходилось то-и-дѣло разъяснять свое усердствованіе въ „комми-вояжерствѣ по буржуазнымъ дѣламъ“.

Прежде чѣмъ говорить о тѣхъ „лозунгахъ“ и средствахъ, черезъ посредство которыхъ демократія была завлечена въ плѣнъ къ буржуазіи, нельзя пройти мимо нашей „люксембургской комиссіи“, которая квартировала во дворцѣ Кшесинской и изъ-за которой было надѣлано такъ много шуму. Я уже въ другомъ мѣстѣ провелъ параллель между нашей революціей и французской революціей 1848 года и предостерегалъ, что, слѣпо довѣряя „вождямъ“, можемъ очутиться у разбитаго корыта (ст. „Исторія предостерегаетъ“, „Рабочій“, іюнь, Казань). Предостереженія уже оправдались. Какъ въ 1848 году, послѣ первыхъ трехъ „медовыхъ мѣсяцевъ“, послѣ всеобщихъ восторговъ, тюрьмы начали переполняться республиканцами, такъ у насъ въ нихъ сажаютъ соціалистовъ. Исторія „повторяется“. Когда былъ низвергнутъ тронъ Луи-Филиппа, оказалось, что буржуазія и рабочіе „совершенно различно понимали идею демократической республики“. Для первой „она была предѣломъ, дальше котораго она не хотѣла итти“; для вторыхъ же и ихъ вождей она была „только первымъ шагомъ по пути соціальной реформы“, „она немедленно должна была заняться соціальными преобразованіями“ (см. „Парижскій рабочій парламентъ 1848 г. и его дѣятельность“, ст. В. Бутенко, „Русск. Бог.“, окт., 1909 г.). И вотъ была образована комиссія, во главѣ съ Луи Бланомъ, которая занялась въ Люксембургскомъ дворцѣ выработкой проэктовъ реформъ. „На нее возлагали самыя широкія надежды республиканцы соціалистическаго оттѣнка и парижскій пролетаріатъ, ее ненавидѣли всѣми силами своей души умѣренные республиканцы и реакціонеры“. И „ей всѣ историки эпохи приписываютъ громадное вліяніе на настроеніе парижескаго населенія“ (ibid.). „Реформы, предложенныя имъ (т. е. Видалемъ, авторомъ особаго проекта соціальныхъ реформъ. Гр.), были прямымъ отвѣтомъ на требованія, поставленныя жизнью“. Нѣкоторыя изъ нихъ признавались даже „трехцвѣтными“ республиканцами, нѣкоторыя были осуществлены вскорѣ, но все-же „буржуазное общество могло отнестись къ нимъ только съ ненавистью“, называла ихъ „фантазіей праздношатающихся людей“ и „сумасбродствомъ“, и комиссія ею

и была похоронена. Временно такая же участь постигла революціонную демократію (безъ кавычекъ), органъ которой, Ц. К., засѣдалъ въ особнякѣ Кшесинской. И наши „большевики" и интернаціонаналисты, за которыми стояли и стоятъ и будутъ стоять не только революціонный Петербургъ, „Кронштадтская республика" и Гельсингфорсъ, не тробовали невозможнаго и ненужнаго: всю власть совѣтамъ, передать землю народу, уставить контроль надъ промышленностью, измѣнить финансовый механизмъ, демократизировать армію, усиленно бороться за миръ—вотъ главное. Этого долженъ былъ требовать каждый соціалистъ, неизмѣнившій своему міровоззрѣнію или непродавшій своей души за „двадцать гривенъ"...

Понятно, буржуазія отъ этого приходила въ ярость и началась *травля*, безчестная и наглая, которая, кажется, только тогда прекратится, когда установится диктатура демократіи: травля и клеветаніс, а не идейная борьба И не только буржразія продѣлывала это: ей вторили и эсъ-эры и меньшевики, а вмѣстѣ съ ними и каждый обыватель.

О проблемѣ организаціи власти мы тоже говорили. И ясно: съ точки зрѣнія соціалиста и революціонера, она должна принадлежать народу, т. е. совѣтамъ. Временное Правительство имѣло тенденціи лѣвѣть, подъ непосредственнымъ давленіемъ кшесинцевъ и кронштадцевъ, и быть можетъ эволюціонировало бы въ соціалистическое министерство, если бы послѣ 3—5 іюля наши „оборонцы" не предали и не выдали „большевиковъ". Власть круто повернула вправо. Начались репрессіи, смертныя казни, аресты, закрытія газетъ и т. д. причемъ, производя эти спасительныя операціи „революціонные" юнкера и казаки дѣйствовали несравненно безобразнѣй царскихъ жандармовъ. Не регистрація этихъ революціонныхъ звѣрствъ насъ интересуетъ, но то, поскольку Временное Правительство было правомочно принимать репрессивныя мѣры, подавляющія волю нѣкоторыхъ соціальныхъ группъ. Нашъ категорическій отвѣтъ: нѣтъ, оно не имѣло на это права. Оно само *незаконное* правительство и правительство только регулирующее и руководящее (см. Эсменъ, op. cit., p. 21). Если народъ завоевалъ для себя неотъемлемыя

индивидуальныя права, какъ свободу слова, печати, собраній и т. д., никто, кромѣ его самого, не имѣлъ права ихъ ограничивать, т. е. это *могло* бы сдѣлать Учр. Собраніе, имѣющее право говорить отъ новаго суверена—народа. Мы подчеркнули могло, ибо никто не можетъ имѣть права отнимать *индивидуальныя* права [1]). Французская великая революція въ своей декларации признала право на возстаніе въ случаѣ нарушенія основныхъ правъ человѣка и гражданина или конституціи; да и нѣкоторыя конституціи признаютъ право на революцію. Когда же наше Временное Правительство, имѣющее право издавать только предложенія, долженствующія быть подтверждаемы большинствомъ тѣхъ, кто должны ихъ исполнять, начало разстрѣливать цѣлые полки, то оно было достойно чтобы его такъ же растоптали, какъ „царское величіе"! Тѣмъ болѣе, что это были мѣры только контръ-революціонныя: ихъ жаждала кучка монархическихъ генераловъ и крупная буржуазія. Но оно репрессіи растощала только по отношенію къ тѣмъ, кто критиковали ея дѣйствія, кто имѣли новую *правовую совѣсть*; да, совѣсть, ибо возстановленіе смертной казни, не говоря о томъ, что это и съ государственной точки зрѣнія мѣра нецѣлесообразная, абсолютно непріемлема съ точки зрѣнія этической [2]) Смертную казнь могутъ терпѣть только развращенныя въ своей совѣсти правительства имущихъ классовъ. Пра-

---

[1]) Здѣсь нелишне обратить вниманіе на то, что наше *большинство* „революціонной демократіи" и павшее самодержавіе царя въ правовомъ отношеніи явленія одного порядка. Это большинство рабски слѣдовало по пути указываемому *общественнымъ мнѣніемъ*, а это послѣднее дѣлалось *буржуазной прессой*. Мирабо общественное мнѣніе называлъ *самымъ обсолютнымъ тираномъ*. И дѣйствительно; большинство можетъ быть даже деспотичнѣе единичной личности, ибо ему (больш.) недоступны *интимныя чувства*, которыя въ жизни личности играютъ такую огромную роль. Къ сожалѣнію, и въ русской революціи доминировала слѣпая *воля* большинства, а не *право*. Но только утвержденіе права ведетъ къ свободѣ.

[2]) Князь Мышкинъ въ „Идіотѣ" произнесъ слова, вложенныя въ его уста Достоевскимъ: „Убійство по приговору несоразмѣрно ужаснѣе, чѣмъ убійство разбойничье". Но что значитъ для „государственнаго ума", если какой-то писатель будетъ его разбойникомъ считать- До сихъ поръ революціи бережно относились къ правамъ человѣка и гражданина, но Керенскій, ежеминутно выѣзжая на революціонности, доказалъ противное.

вительство Керенскаго ничѣмъ отъ нихъ и не отличалось... И, какъ и слѣдовало ожидать, такая политика кабинета, попирающаго всѣ человѣческія права, вырываетъ ему могилу: „большевистскіе“ идеи распространяются съ неимовѣрной быстротой, и эта быстрота будетъ увеличиваться въ геометрической прогрессіи, ибо, когда вся жизнь повсюду оправдываетъ предостереженія „большевиковъ“, они пріобрѣтаютъ идеалъ „мученичества“ и „святости“... Но объ этомъ послѣ. Теперь же запомнимъ, что нѣтъ государственно-правовой теоріи, которая правительства временныя считала бы законными и имѣющими право приказывать. Чтобы „присвоить“ такія права и юридически ихъ оправдать, необходимо Вр. Правительству слѣдовать по пути Маклакова: признать, что его власть октроирована Михаиломъ Александровичемъ. Но пока этого нѣтъ; и оно можетъ быть *только организаторомъ* (такой характеръ должна носить верховная власть каждаго правового государства), *только акушеромъ новаго строя*. Скажутъ: это будетъ всеобщій распадъ! Нѣтъ, народъ будетъ твердо стоять за правительство, идущее по пути удовлетворенія его нуждъ. И только такъ возможна твердая власть...

Самый же жгучій и самый важный вопросъ—это война и миръ. Только при „военной обстановкѣ“ мыслимо теперешнее плѣненіе демократіи буржуазіей: иначе говоря, преодолѣніе интернаціонализма буржуазнымъ націонализмомъ—только, разумѣется, фактически, но не идейно. Буржуазный „заологическій націонализмъ“, который увлекаетъ собой обывательскіе массы, явленіе психическаго порядка. Постоянно раздуваемый всей буржуазной прессой и адептами ея науки, онъ создалъ атмосферу, въ которой слова „отечество“, „чужеземное нашествіе“ и т. п. пріобрѣтаютъ волшебную силу. И наше соціалистическое большинство ими было поражено. Между тѣмъ, повсюду интернаціоналистовъ травили, какъ „измѣнниковъ“ и работающихъ на „чужія деньги“. Въ Россіи, Франціи, Англіи и Италіи обвиняли интернаціоналистовъ въ полученіи „нѣмецкихъ денегъ“; въ Германіи и Австріи—Либкнехта и Адлера—третировали, какъ продавшихся Россіи и Англіи. И „оборонцы“ все это одобряли! Исторія

же показываетъ, что имущіе только тогда патріотичны, когда они обладаютъ властью и командуютъ. Какъ только власть ускользаетъ изъ ихъ рукъ, они зовутъ на помощь себѣ чужеземныя войска, и такъ *измѣняютъ отечеству*[1]). Французскіе роялисты это продѣлывали нѣсколько разъ, австрійскіе Габсбурги тоже; фронтъ открывать намѣревались для усмиренія народа и наши монархисты, и единственная реальная сила, сулящая побѣду Корнилову, могла быть только Германія... Такъ отечествомъ демократія никогда не торговала! Лжепатріотизмъ буржуазіи есть только средство удержанія власти; для буржуазіи нѣтъ отечества внѣ ея корыстныхъ матеріальныхъ интересовъ и господствующаго положенія. „Патріотизмъ" и „сильная національная политика"—это статика и динамика одного и того же явленія. Лишится она власти—сейчасъ спѣшитъ за „дружескимъ" жандармомъ. И нашъ органъ „отечественныхъ" промышленниковъ „Промышленность и Торговля" уже во время революціи успѣлъ выявить свои сепаратныя стремленія къ „братанію" съ германскими империалистами, ибо постановленія парижской экономической конференціи не особенно имъ кажется выгодными. Значитъ, даже въ то время, когда всѣми мѣрами нужно поддержать идеальную настроенность обманываемаго народа воевать за отечество, они проболтались, что отечество и союзъ съ союзниками для защиты

---

[1]) „На столбцахъ „серьезной" печати, кормящейся отъ щедротъ капитализма, который диктуетъ ей свои желанія и проводитъ при ея помощи свои планы, вы каждый день встрѣчаете самые пламенные дифирамбы во славу „дорогого" отечества и самыя искреннія проклятія по адресу „измѣнниковъ-интернаціоналистовъ", подрывающихъ своей антимилитаристской пропагандой чувство любви къ родинѣ и національнаго достоинства. А жизнь предъявляетъ вамъ самые доподлинные факты трогательнаго единенія капиталистическихъ сердецъ и кошельковъ, не взирающихъ на цвѣтъ пограничныхъ столбовъ и взаимно помогающихъ нѣмецкимъ заводчикамъ лить пушки, которыя будутъ направлены на французскіе полки, французскимъ—изготовлять ядра для потопленія нѣмецкихъ кораблей, англійскимъ—готовить разрушительные снаряды для тѣхъ и другихъ, и, значитъ, всѣмъ вмѣстѣ предпринимателямъ ковать оружіе противъ своихъ же согражданъ и на горе своего же отечества" (Н. Е. Кудринъ. Патріотизмъ культурной буржуазіи въ странѣ реванша. Обр., 1909).

цивилизаціи только „постольку, поскольку“ это выгодно ихъ карману! Но на это наши „оборонцы“ вниманія не обращали! Ими, при словахъ „отечество“ и „врагъ“, овладѣвалъ ужасъ. [1] Это отчасти атавистическое явленіе. Психическая наслѣдственность его передала намъ съ тѣхъ временъ, когда войны совершались съ цѣлью грабежа, когда племя порабощалось племенемъ, народъ народомъ. Въ настоящее же время всѣ культурныя государства употребляютъ одни и тѣже средства и пріемы эксплоатаціи, такъ что пролетаріатъ, какъ носитель новаго міропорядка, долженъ во всеуслышаніи заявить: *„пролетаріатъ не знаетъ границъ“*, т. е. международныхъ границъ (слова представителя чернорабочихъ Кордье на Марсельскомъ конгрессѣ синдикалистовъ). На этой мысли слѣдуетъ остановиться.

14-го марта Петроградскій Совѣтъ Р. и Солдатскихъ депутатовъ опубликовалъ свое воззваніемъ къ народамъ всего міра. Онъ призывалъ пролетаріатъ какъ союзныхъ, такъ враждебныхъ державъ свергнуть свои правительства и заключать миръ „безъ анексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народностей“. Если это возможно было бы осуществить, то это означало бы прелюдію соціалистической революціи и тогда разговоры о самоопредѣленіи народовъ были бы излишними, ибо въ каждой соціалистической программѣ-минимумъ это уже предусмотрѣно. Но это малость, ибо безправное положеніе неимущихъ слоевъ населенія--это явленіе, хотя и причинно не связанное съ первымъ, но во времени сопутствующее: если троны будутъ свергнуты, то освободятся и подавленныя народности, и безправныя массы суверенныхъ націй. Но провозгласить принципъ „безъ аннекссій и контрибуціи“ значитъ совершенно не учесть теперешнихъ отношеній капиталистическихъ государствъ. Съ такой формулой мира могутъ со-

---

[1] Правъ Сорель: „Я думаю что именно легенды, порожденныя войнами и революціями, оказываютъ на общественный разумъ наиболѣе мощное и въ то же время наиболѣе пагубное вліяніе. Эти легенды такъ сильно насъ захватываютъ что *совершенно лишаютъ насъ свободы оцѣнки*“. Это и случилось съ нашими „оборонцами“.

гласиться и наши Милюковы и Вильгельмъ II, что на дѣлѣ и случилось. Упорствуютъ лишь „союзники“—Францiя‘ Англiя и др.—въ чьихъ интересахъ погубить нашу революцiю и быть владѣтелями подземныхъ богатствъ бассейновъ Сарры и Бриё и Эльзасъ-Лотарингiи; въ этомъ районѣ опасной границей считается естественная географическая поверхность и спасенiя ждутъ отъ поземелья... И это понятно. Съ тѣхъ поръ, какъ сидерургическая и военная промышленность начали играть въ „государственномъ хозяйствѣ“ главную роль, дипломаты руководятся въ установленiи границъ не земной поверхностью, а богатствами—углемъ и желѣзомъ—лежащими подъ нею. Съ формулой „безъ аннексiй и контрибуцiй“ потому могли соглашаться капиталистическiя акулы, что главное, при современной фазѣ капитализма, не прiобрѣтенiе территорiй, а *торговые договоры, концессiи, финансовыя конвенцiи* и т. п. Все дѣло въ нихъ. Предоставьте французскимъ капиталистамъ право на разработку Эльзасъ-Лотарингскихъ рудниковъ, и о реваншѣ не услышите ни слова, и они охотно подпишутъ совѣтскую формулу! Дальше: если бы народы свергли своихъ правителей, то установилась бы такая форма правленiя, при которой всѣ упованiя на реваншъ утеряли бы всякiй смыслъ; значитъ и съ этой точки зрѣнiя, требованiе мира безъ аннексiй не оправдывается. Заключенiе мира безъ контрибуцiй—тоже понятiе неопредѣленное. Можетъ-ли концессiя на разработку природныхъ богатствъ считаться контрибуцiей, или тѣ или другiя измѣненiя таможенныхъ ставокъ? Будемъ думать, что такое содержанiе въ формулу не укладывается. Остается все-таки устроенiе разоренныхъ жителей общими усилiями всѣхъ воюющихъ государствъ; это требуетъ простая справедливость. И съ этой точки зрѣнiя совѣтская формула недостаточна.

Но, можетъ быть, она, широко распропагандированная все-таки, приблизитъ миръ? Врядъ-ли. И мы думаемъ, что въ итогѣ получаются обратныя послѣдствiя. Она уже дала основанiе англiйскимъ заправиламъ заявить: выведите войска съ нашихъ территорiй, тогда приступимъ къ мирнымъ переговорамъ. А наши доморощенные зубры умозаключили иначе: значитъ, врага нужно прогнать за

границу, а потомъ будемъ говорить о мирѣ—и готовили наступленіе. Хотя логика и не даетъ права строить такіе силлогизмы, но иногда логически неправильно добытый выводъ убѣдительнѣе, чѣмъ безупречная, съ этой стороны, фраза. Вопросъ объ участіи оккупированныхъ областей долженъ рѣшаться на мирной же конференціи, но какое дѣло до того тѣмъ, которымъ война даетъ сверхъ—и чудо прибыли! Они использовали *такъ* совѣтскую формулу, и это значитъ, что ею была фактически санкціонирована тенденція продолженія войны. И мы рѣшительно заявляемъ, что она только отдалила конецъ войны.

Совѣтская формула мира не можетъ служить и идеальнымъ условіемъ заключенія прочнаго и долгаго мира. Въ общемъ, на дѣлѣ, это было бы проведеніемъ принципа равновѣсія или „вооруженнаго мира“, который уже показалъ достаточно свою неспособность урегулировать междугосударственныя отношенія. Оппенгеймъ, въ своей „Системѣ международнаго права“ („Sуstem-des Völkerrechts“), пишетъ: „Система европейскаго политическаго равновѣсія не опиралась на какомъ-либо абсолютномъ принципѣ, и не имѣла опредѣленной цѣли; сущность ея состояла въ вѣчномъ колебаніи, взаимномъ самоуничтоженіи, въ безграничномъ вѣроломствѣ въ отношеніи къ перемѣнѣ союзовъ и къ нарушенію международныхъ договоровъ, такъ что она была тѣсно связана съ іезуитскими началами и съ принципами, такъ называемаго, „свѣтскаго маккіавелизма“, по которымъ благая цѣль требуетъ и освящаетъ предосудительныя средства... Дворы и дипломатія подкладывали свои интересы подъ интересы народные, подобно яйцамъ кукушки“ (перев. нѣм. изд., стр. 31—33). И такъ, эта systéma des contrepoids доказала свою несостоятельность. Но это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и несостоятельность международнаго права, которое, въ сущности и вовсе правомъ нельзя называть. Уже Фенелонъ отмѣтилъ разницу между международнымъ правомъ, съ одной стороны, и правомъ, устанавливаемымъ суверенной властью внутри государства. „Существуютъ писанные законы и судебныя власти, имѣющіе своею задачей пресѣкать несправедливости между семьями, неравными по имуществу; не то происходитъ между государствами.

Чрезмѣрное увеличеніе одного государства можетъ повлечь за собой гибель и порабощеніе всѣхъ другихъ государствъ; *не существуетъ ни писанныхъ законовъ, ни судей, долженствующихъ служить преградою по отношенію къ вторженіямъ болѣе могущественнаго*". Какіе бы ни устанавливались международные договоры, историческій опытъ показываетъ, что они тотчасъ нарушаются, какъ только измѣняется соотношеніе реальныхъ силъ. За международнымъ правомъ нѣтъ силы, которая гарантировала бы его реализацію [1]). И когда наше Вр. Правительство 27-го марта опубликовало обращеніе къ народу, что война продолжается не съ цѣлью порабощенія народовъ, что въ будущемъ международные конфликты будутъ разрѣшаться третейскимъ судомъ, будутъ существовать трибуналы и т. д., то невольно приходилось заключать: „еще не разувѣрились". Послѣ этого ту же вѣру не разъ мы встрѣчали въ резолюціяхъ заграничныхъ соціалистовъ...

Мы же должны разъ навсегда запомнить: пока не будетъ окончательно осуществлено народовластіе, никакими договорами прочный миръ неустановимъ. Согласно этому мы и оцѣниваемъ (не междугосударственную) политику Петроградскаго Совѣта. Его воззваніе отъ 14-го марта положительныя послѣдствія можетъ имѣть только въ своей отрицательной части, т. е. поскольку народы возьмутся за нарушеніе „гражданскаго мира" и низверженіе правительствъ. Русская революція, несомнѣнно подняла настроеніе рабочихъ зап. Европы. Проведеніе тамъ въ жизнь „разрушительной" части совѣтскаго воззванія, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ величайшимъ созиданіемъ. Положительныя же предложенія, повторяемъ, абсолютно непріемлемы; они

---

[1]) На этой мысли особенно настаиваетъ Кетлэ въ своей—„Соціальной физикѣ". О войнѣ тамъ онъ говоритъ: „мы уже начинаемъ смотрѣть на этотъ бичъ не какъ на необходимость, отъ которой мы никогда не избавимся, а какъ на зло, которое неизбѣжно при отсутствіи законовъ, регулирующихъ права народовъ, и при отсутствіи достаточной силы для обезпеченія исполненія этихъ законовъ". Кстати: значеніе Кетлэ, какъ юриста-теоретика далеко недооцѣнено. Къ нѣкоторымъ его положеніямъ въ новѣйшее время приходитъ соціологическая школа права самостоятельно.

архаичны, соотвѣтствуютъ эпохѣ 50—70 г.г. прошлаго столѣтія.

Русская революціонная демократія должна была прежде всего заявить, что „пролетаріатъ не знаетъ границъ" и сдѣлать изъ этого положенія всѣ выводы: немедленный миръ и глубокія внутреннія преобразованія. Прежде всего, демократизація всего управленія арміей, ибо только демократизированная армія будетъ послушна революціи. Совѣтъ долженъ былъ знать и то, что нелѣпо предлагать миръ и двинуть армію въ наступленіе. Это быть можетъ, германскіе товарищи называютъ международной провокаціей; и они правы. Борьбу за миръ, правда, русская демократія ведетъ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ прошломъ году въ своемъ „Новомъ экономистѣ" проф. Мигулинъ писалъ, что послѣ кроваваго кошмара Европа проснется во власти американскихъ милліардеровъ. Это такъ. Что касается Россіи, то къ американскимъ милліардерамъ добавимъ еще французскихъ и англійскихъ банкировъ. Положеніе даже болѣе угрожающее. Въ „Бирж. Вѣдомостяхъ" отъ 12-го августа сообщалось, что въ Сибири „чѣмъ-то" занимаются американскіе эксперты-спеціалисты; и уже установлено, что, въ случаѣ надобности, русскіе войска могутъ тамъ быть замѣнены японскими.

Если мы припомнимъ болѣе раннія сообщенія, что янки скупаютъ въ Сибири акціи разныхъ предпріятій и т. д., то спрашивается: не готовятся ли къ оккупаціи Сибири и къ усмиренію нашихъ рабочихъ? Симптоматично и то, что изданъ даже спеціальный законъ объ исключительной защитѣ посольскихъ персонъ. Это все свидѣтельствуетъ, что война для насъ сковала новую кабалу: мы закабалены у иностранныхъ „дружескихъ" банкировъ. Но это не должно насъ смущать. Мы должны были отъ нихъ добиться признанія перемирія и начала мирныхъ переговоровъ. Если прислушиваемся къ голосамъ правящихъ кликъ и тѣхъ, въ чьихъ интересахъ ведется война, то получаемъ впечатлѣніе, что они чужой кровью и на чужія средства готовы воевать будто вѣчно, но говорятъ: „до конца, до побѣды". Погублено болѣе 30 милліоновъ человѣческихъ жизней—почему? для чего? И это представляетъ собой такую производительную силу, которая

невозмѣстима человѣчеству ни золотомъ, ни установленіемъ какихъ угодно конституціонныхъ порядковъ. За все время этой страшной бойни трубили, что эта война освободительная, и такъ создали поистинѣ новую миѳологію. Но „освободители“ подѣлили уже Персію и усмирили Ирландію—во время этой болтовни. Освободительная война, это миѳъ, который дѣйствительно лишалъ людей *свободы оцѣнки* (Сорель). Продолжать миѳотворство, это безсмыслица, и безсмыслица говорить о побѣдѣ, когда „врагъ“ сильнѣе насъ и технически, и морально, а число теперь рѣшающей роли не играетъ. Болѣе чѣмъ 25 лѣтъ тому назадъ Бліохъ въ своемъ капитальномъ трудѣ „Будущая война“ писалъ, что въ предполагаемомъ европейскомъ состязаніи государствъ не будетъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, а только одни побѣжденные, т. е. измученные и истощенные народы. И это вдвойнѣ правильно въ отношеніи къ Россіи. Чѣмъ дольше война продолжается, тѣмъ больше разрушается народно-хозяйственный организмъ и тѣмъ больше изнуряется самъ народъ. А это—прямая угроза *свободнымъ порядкамъ*, которые мы должны ставить *выше* всякихъ разсужденій о „безъ аннексій и контрибуцій“. Усталые и измученные будутъ индифферентно относиться къ своему соціальному бытію. Если революція даетъ народу миръ, то ее никто не преодолѣетъ; если „корниловцы“, то это—худшій исходъ, хуже войны революціонной, наподобіе парижской коммуны, противъ Германіи, Японіи и Китая plus остальные союзники [1]). Послѣдняя перспектива и грозитъ нашей революціи: всѣ „враги“ и „союзники“ будутъ готовы забыть все, лишь бы уничтожить очагъ революціи... Въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться, кто знакомъ съ исторіей и кто знаетъ, что „конечная борьба“ произойдетъ между чернымъ и краснымъ интернаціоналами. Существованіе чернаго

---

[1]) Къ этому уже готовятся. Е. Димитріевъ телеграфируетъ изъ Парижа „Рѣчи“ 7-го сент. „Въ дипломатическихъ кругахъ изумлены полнымъ невѣжествомъ петроградскаго Совѣта р. и с. д., желающаго диктовать правительству линію поведенія и требующаго немедленно предложить миръ“ и т. д. „Temps“ пишетъ, что въ предвидѣніи возможной постановки на очередь такихъ важныхъ проблемъ союзникамъ необходимо немедленно устроить междусоюзную конференцію и освѣдомить Вильсона“. Sapienti sat...

интернаціонала, интернаціонала капиталистовъ и юнкеровъ, это фактъ. Священный тройственный союзъ его первая форма. Разоблаченія Либкнехта о международныхъ правокаторахъ войны, пушечныхъ короляхъ всѣмъ должны были раскрыть глаза. Но мы думаемъ: лишь первый пушечный выстрѣлъ союзниковъ противъ арміи революціонной Россіи, каждый пролетарій міра почувствуетъ, что это по немъ стрѣляютъ, и тогда изъ гроба встанутъ Робеспьеры и Дантоны, чтобы до конца довести свое дѣло...

Итакъ, миръ *долженъ быть.* Въ стремленіи къ миру демократія не должна останавливаться ни передъ чѣмъ. Освободительная миѳологія уже обанкротилась. Теперь пугаютъ другимъ жупеломъ: сепаратнымъ миромъ. Источникъ этихъ страховъ—Парижъ и Лондонъ. А мы знаемъ, что не интересы цивилизаціи ихъ занимаютъ, а болѣе понятные интересы господства и кармана. Не отвѣтивъ на вопросъ прямо, заключать ли сепаратный миръ, поставимъ другой вопросъ: возможно ли сколько-нибудь раціональное дальнѣйшее веденіе войны, особенно со стороны Россіи? Въ этомъ отношеніи болѣе чѣмъ поучительны мысли (хотя и не прямо по вопросу высказанныя) бывшаго профессора Академіи Генеральнаго Штаба А. Витмера. Мы напередъ извиняемся за длинныя выписки изъ его статьи „Объ обязательной воинской повинности. Еретическія мысли фантазера". („Русск. М.", 1912).

„Сейчасъ, при огромной дальности огня, дойти безостановочно до встрѣчи съ непріятелемъ нѣтъ ни малѣйшей возможности, точно такъ же, какъ нѣтъ возможности итти впередъ не только колоннами, но даже значительными группами. Приходится атаковать непріятеля вразсыпную и притомъ перебѣжками, съ цѣлью пользоваться закрытіями, представляемыми мѣстностью, и достигать цѣли, такимъ образомъ мало-по-малу. Прежняя атака для того, чтобы пройти сферу огня требовала не болѣе пятнадцати минутъ времени. Теперь она продолжается часы, иногда дни. Естественно, что и люди для такой атаки требуются совсѣмъ другіе, чѣмъ для наступленій колоннами. Здѣсь *необходимо несравненно большее индивидуаль-*

ное развитіе, индивидуальная рѣшимость и самая тщательная подготовка. Но можемъ ли всего этого требовать отъ запаснаго, уже отвыкшаго отъ военнаго ремесла и *оставившаго за собой семью, которая безъ него рискуетъ умереть голодной смертью?* (Съ ратниками, значитъ, дѣло обстоитъ еще хуже. Гр.). Конечно, нѣтъ. И никто, конечно по совѣсти, не имѣетъ права упрекнуть (а Керенскій ихъ проклиналъ и разстрѣливалъ! Гр.) сорокалѣтняго и семейнаго бородача, если онъ, вмѣсто того, чтобы направить всю силу своей сообразительности и энергіи для достиженія столкновенія съ врагомъ, къ которому онъ не питаетъ ни малѣйшей злобы, если онъ просто заляжетъ въ какой-нибудь ямкѣ и для отвода глазъ прикинется, пожалуй, убитымъ"[1]... „Да, *въ сомкнутомъ строю* на глазахъ начальника эти люди, быть можетъ, *и не побѣжали бы, но съ увѣренностью можно сказать, что расчитывать на успѣхъ современной атаки, требующей постепенности, упорства и твердаго желанія подойти вплотную къ противнику, съ людьми, плачущими о своихъ дѣтяхъ,—значитъ обманывать себя*". И даже Лордъ Солисбюри воскликнулъ однажды въ парламентѣ: „Да погибнетъ то государство, въ интересахъ котораго я долженъ послать на войну своего первенца, *вопреки его желанія*". Мы добавимъ сейчасъ: „и погибнутъ... чтобы возродиться въ силѣ и счастьѣ". Бывш. проф. Витмера, конечно, никто въ соціализмѣ обвинять не станетъ. Исходя изъ его мыслей, которымъ нельзя отказать ни въ человѣчности, ни въ глубокой разумности, можно притти только къ одному выводу: дальше воевать безсмысленно... нераціонально...

Итакъ, миръ, хотя бы и сепаратный. Онъ несравненно лучше, даже съ грубо реалистической точки зрѣнія, продолженія войны, уничтоженія никѣмъ невозвратимыхъ, ничѣмъ неоцѣнимыхъ человѣческихъ жизней, которыя каждая себѣ должна быть цѣлью... Миръ..., хотя и вопросъ о границахъ въ международномъ отношеніи щекотливый,

---

[1]) Это—одно лишнее разоблаченіе клеветы, что большевики расшатали армію. Травля „по этой статьѣ", это срамъ, о которомъ нужно было бы поменьше говорить!

но если на нихъ смотрѣть подъ угломъ зрѣнія нашихъ соціалистическихъ цѣлей, то *онѣ всегда имѣли только второстепенное значеніе, и чѣмъ ближе подвигаемая къ окончательному переустройству отношеній въ вертикальномъ разрѣзѣ, тѣмъ больше онѣ будутъ исчезать изъ поля нашего зрѣнія: наша борьба классовая, а не международная*... И поэтому отнюдь мы не будемъ грѣшить передъ своимъ идеаломъ, отнюдь не нанесемъ ущерба нашей практической политикѣ, если пойдемъ навстрѣчу *здоровому инстинкту самосохраненія націи*", который проявляется въ отказахъ служить, наступать и т. п. Пусть проклинаетъ эпоха самоспасающихся людей, пусть произносятъ анаѳемы попы! Но и эти носители божеской идеи должны были знать, что всѣ почти святоотеческія писанія дышутъ отвращеніемъ къ войнѣ, а Тертулліанъ въ своемъ „De korona militis" рекомендуетъ прямо дезертирство!...

Какъ бы то ни было, но неизбѣжно одно: энергичная политика мира, т. е. борьба за миръ русской революціонной демократіей, обладающей высшей государственной властью, взволнуетъ весь старый политическій міръ, оголитъ политику имущихъ классовъ и обнаружитъ полную безсмысленность этой бойни [1]. Это будетъ вызовъ буржуазному обществу и призывъ демократіи къ „великому ослушанію" и разрушенію. Собственно говоря, русской демократіи приходится выбирать: ринуться въ пасть „союзнаго" капитала, или начать новую эру въ міровой исторіи и такъ исполнить свою, только въ другомъ смыслѣ и формѣ, провиденціальную роль, о которой мечтали славянофилы. Мы увѣрены, что логика вещей заставитъ Россію

---

[1] „Съ фактомъ извѣстной усталости и съ чувствомъ нѣкоторой безцѣльности дальнѣйшаго веденія войны, конечно, уже считаются какъ политическіе дѣятели всѣхъ воюющихъ странъ, такъ и органы этого общественнаго мнѣнія въ лицѣ той печати, которой не чуждо чувство огромной отвѣтственности передъ страной", Такимъ языкомъ уже говоритъ передовица отъ 13-го сентября воинствующаго органа имперіалистовъ „Утра Россіи". Это первыя ласточки отрезвленія. Но дальше тамъ же читаемъ: „На сторонѣ союзниковъ и теперь еще, несомнѣнно, имѣется огромное преимущество въ смыслѣ матеріальныхъ рессурсовъ и *человѣческаго матеріала*". Съ какимъ преступнымъ легкомысліемъ пишутъ о человѣческой жизни. Какой цивилизованный цинизмъ!—

пойти по второму пути. Нѣтъ сомнѣнія, возникнутъ новыя охранительныя группировки державъ, но ихъ карты и планы будутъ спутаны воплотившимся въ реальность краснымъ призракомъ...

Эта энергичная борьба за миръ должна базировать на такой же соціальной политикѣ. Истощаемая энергія массъ должна питаться все новыми и новыми завоеваніями, что возможно только постояннымъ углубленіемъ революціи, разрывая со всѣми буржуазными элементами. Если энергія массъ не найдетъ питанія, если требованія, которыя все будутъ возрастать, не будутъ удовлетворены, то такая политика станетъ невозможной: любовь массъ къ революціи измѣряется коэффиціентомъ удовлетворенныхъ потребностей. Мѣропріятія соціальнаго переустройства, прежде всего, должны коснуться только незначительнаго числа крупныхъ „денежныхъ феодаловъ“ и купцовъ и промышленниковъ. Удачное проведеніе ихъ—лучшая база дальнѣйшихъ операцій. И, какъ уже было нами указано, эти реформы на первыхъ порахъ могутъ совершенно не затрагивать интересы мелкихъ буржуа. До сихъ поръ обобществленіе средствъ производства мыслили какъ уничтоженіе всѣхъ видовъ частной собственности, и этимъ и запуганы и пугаютъ мѣщанскіе слои населенія. Напрасные страхи, навѣянные повѣренными крупныхъ магнатовъ. Скорѣе всего: и мелкій, и средній буржуа вкусятъ плоды первой побѣды, прежде чѣмъ будетъ рѣшаться ихъ судьба. И намъ кажется, что даже первые плоды великой соціальной побѣды окажутся такъ вкусными, что они сами сдадутъ свои позиціи: соціализмъ для нихъ будетъ выгоднѣе, чѣмъ самостоятельность въ условіяхъ конкуренцій съ соціализированнымъ производствомъ.

Подъ историческимъ угломъ зрѣнія.

Въ началѣ своихъ замѣтокъ мы уже сказали, что переходный характеръ эпохи сказался бы, если бы даже не произошла русская революція. Эта послѣдняя только ускорила довершеніе процесса—обостреніе классовыхъ противорѣчій и классовой борьбы на Западѣ. Она въ образованіи соціалистическаго общества сыграетъ такую же роль, какую сыграла и еще играетъ Японія въ созданіи капиталистическаго Востока. Побѣда Японіи надъ Россіей такъ же подняла духъ народовъ Азіи (самый яркій примѣръ, это національное движеніе въ Индіи), какъ паденіе русской монархіи духъ европейскаго пролетаріата. Надо полагать, что русская революція, углубляясь и расширяясь, создастъ охранительную группировку государствъ. Быть можетъ, уже зачатки ея налицо. Ибо чѣмъ объяснить выступленіе Китая противъ Германіи и одобреніе этого выступленія союзниками, когда знаемъ, что еще такъ недавно (до русской революціи) къ такому выступленію Россія, Японія и Америка относились крайне отрицательно? Вы уже чит. номеръ „Бир. Вѣд." отъ 12-го августа миссіи японской делегаціи въ Вашингтонѣ придается чрезвычайное значеніе, но мы знаемъ, что Соединенные Штаты и Японія питали другъ къ другу только антипатіи, и это обусловливалось всѣмъ ходомъ хозяйственной эволюціи Востока. Нѣтъ ясности въ происходящихъ измѣненіяхъ, еще долго не все выкристаллизуется. Но уже теперь съ увѣренностью можно утверждать, что тамъ, на далекомъ Востокѣ, завязываются новые узлы, закладываются новыя базы, черезъ посредство которыхъ, быть можетъ, Новый Свѣтъ, американскіе промышленники и финансовые короли, будутъ наносить удары возрождающемуся Старому Свѣту. Послѣдній—самый крупный

должникъ янки, и поэтому увѣковѣченіе существующихъ порядковъ (т. е. капиталистическихъ) въ немъ—основаніе международной политики американскаго капитала. Революціонное движеніе въ Европѣ его такъ же безпокоитъ, какъ у себя дома, гдѣ уже дѣйствуютъ драконовскіе законы противъ соціалистовъ (напр. билль о шпіонахъ). Янки прекрасно понимаютъ, что демократическая или (соціалистическая) Европа не будетъ платить по векселямъ и долговымъ обязательствамъ буржуазно-капиталистической Европы. Въ этомъ не помогутъ никакія теоріи о передачѣ и преемственности правъ и обязанностей. Принудить же силой Новую Европу платить безумно истраченныя Старой Европой суммы—невозможно; почти всѣ стратеги буржуазныхъ газетъ (особенно Шумскій въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ") въ моментъ разрыва дипломатическихъ сношеній между Соед. Штатами и Германіей признали, что единственно долларъ америнканскій будетъ имѣть реально-стратегическую значимость для борьбы на европейскомъ континентѣ, а не морскія или сухопутныя силы Заатлантики. Чѣмъ больше возрастаетъ заинтересованность Соед. Штатовъ въ Европѣ, тѣмъ необходимѣе располагать надежной защитой. Въ этихъ цѣляхъ они могутъ использовать только капиталистически и соціально неразвитыя страны Востока, особенно Китай, по отношенію къ которому они давно уже придерживаются политики „открытыхъ дверей", зная, что при этомъ условіи въ общей теперешней коньюнктурѣ имъ достанется волчья доля отъ содранной съ Китая шкуры. Значитъ помимо даже грозящихъ въ Европѣ соціальныхъ измѣненій, Соед. Штаты должны искать реальной защиты на Старомъ материкѣ, ибо капиталъ любитъ „порядокъ" и „спокойствіе". Боязнь „краснаго призрака" опять-таки только ускоряетъ завязываніе новыхъ узловъ международныхъ связей.

Эта боязь „краснаго призрака" будетъ играть въ международныхъ отношеніяхъ все большую и большую роль. Не только феодальная, но и буржуазная аристократія спасенія будетъ искать въ „священномъ союзѣ". И ищутъ уже (см. телегр. Димитріева „Рѣчи".). Проф. Карлъ Баллодъ, въ своей статьѣ, появившейся въ началѣ 1915 г., „высказываетъ тотъ взглядъ, что если война будетъ про-

должаться даже только одинъ годъ, *убытки воюющихъ странъ будутъ столь велики, что средствами капиталистическаго хозяйства будетъ вообще невозможно возстановить причиненныя ею потери*". Значитъ, страхи имѣютъ реальное основаніе, если этотъ либеральный ученый обращаетъ свой взоръ на соціалистическія „утопіи". (Г. Экштейнъ —Война и будущее народнаго хозяйства, стр. 15—16).

Разобравъ различные либеральные проекты возстановленія и оздоровленія расшатаннаго войной народнохозяйственнаго организма, Густавъ Экштейнъ въ только что указанной брошюрѣ говоритъ: „Сколько разъ до войны мы слышали даже отъ соціалистовъ, что нашъ экономическій строй далеко еще не созрѣлъ для соціализаціи, что капитализмъ еще не сыгралъ своей роли, еще далеко не выполнилъ своей исторической миссіи, что техническія и организаціонныя предпосылки для будущаго строя далеко еще не имѣются налицо, и что господство пролетаріата неизбѣжно привело бы лишь къ краху. Событія послѣдняго года доказали обратное. Будь пролетарское правительство достаточно сильно, чтобы выступить такъ диктаторски, какъ нынѣ выступаетъ военная власть, тогда матеріальныя и организаціонныя предпосылки были бы налицо для созданія въ кратчайшій срокъ общественно-организованнаго хозяйства для удовлетворенія потребностей въ крупномъ масштабѣ" (Op. cit., p. 9). „Размѣры предстоящихъ намъ задачъ должны расширить нашъ политическій кругозоръ. Тѣмъ болѣе властно выступаетъ требованіе руководствоваться въ нашемъ поведеніи не интересами и цѣлями минутными, преходящими и имѣющими значеніе лишь для одной какой-нибудь части пролетаріата, а интересами движенія въ цѣломъ и нашей конечной цѣлью. Экономическія предпосылки для осуществленія этой цѣли имѣются на лицо, какъ я это доказалъ; она изъ туманной дали придвинулась на вполнѣ досягаемое разстояніе" (p. 48). Можно спорить съ авторомъ о доказанности возможности соціализма; и будутъ спорить тѣ, кто думаетъ, что мы въѣдемъ въ государство соціализма „со всѣми удобствами". Но опять-таки несомнѣнно одно: „красный призракъ" принимаетъ реальную плоть и съ нимъ не считаться нельзя. Онъ намѣчаетъ даже новыя контуры

въ международной политикѣ и мѣры пресѣченія (отъ продвиженія влѣво) въ странѣ доллара и трэстовъ...

Итакъ, что-то будетъ, къ чему-то готовятся. Парвусъ, въ своемъ трудѣ „Колоніальная политика и крушеніе капиталистическаго строя“, высказалъ мысль, что въ перспективѣ виднѣется борьба Соединенныхъ Штатовъ Европы съ Соед. Штатами Сѣверной Америки. Если это вообще возможно, то только въ формѣ борьбы соціалистическихъ Штатовъ Европы съ капиталистическими штатами Америки. И это вѣроятно. Отнюдь, разумѣется, не обязательно что-бы борьба приняла форму военнаго столкновенія; она, быть можетъ, не выйдетъ изъ экономической сферы и примѣняемыхъ ею средствъ. Проф. М. Довнаръ-Запольскій въ предисловіи къ книгѣ Новаковскаго, „Панамскій каналъ и его міровое значеніе“ пишетъ: „Новый азіатско-американскій міръ займетъ доминирующее положеніе въ свѣтѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ Японіи и теперь уже мечтаютъ о томъ, что ихъ флагъ вскорѣ появится въ гаваняхъ всего міра“. И дѣйствительно, прорытіе Панамскаго канала будетъ занесено на страницы міровой исторіи XX вѣка, какъ величайшее событіе. Самъ Новаковскій въ заключеніи своего обширнаго труда, между прочимъ, говоритъ: „Роль Панамскаго канала будетъ заключаться въ томъ, что онъ усилитъ ходъ общаго прогресса, усилитъ темпъ естественнаго развитія міровой жизни, пріобщитъ Великій Океанъ и его милліонное населеніе къ общечеловѣческой цивилизаціи, посодѣйствуетъ великой Азіи сбросить съ себя оковы спячки и застоя... Но среди свѣтлыхъ и черезвычайно важныхъ для человѣчества послѣдствій открытія Панамскаго канала имѣется и темное пятно. И этимъ темнымъ пятномъ является стремленіе американцевъ сдѣлать Панамскій каналъ орудіемъ своихъ агрессивныхъ, имперіалистическихъ стремленій, орудіемъ порабощенія и полнаго подчиненія своей власти обширныхъ пространствъ Великаго океана. Если же разсмотрѣть современное между-нородное положеніе канала, если проанализировать всѣ стремленія и чаянія американцевъ, если взглянуть на чудовищныя орудія и многочисленные форты, охраняющіе доступъ къ Панамскому перешейку, то можно безъ преувеличенія сказать, что Панамскій ка-

налъ—это кровожадная пасть агрессивнаго имперіализма Америки, оскаленная противъ сѣдого Востока Азіи, противъ странъ Тихаго океана (стр. 558). Здѣсь есть недомысліе и недосказанность: сѣдой Востокъ Азіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ служить операціонной базой противъ возрождающейся Европы...

Панамскій каналъ и русская революція—явленія разнаго порядка. Но между ними можно провести больше чѣмъ аналогію, уясняющую ихъ историческій смыслъ и значеніе. Панамскій каналъ неимовѣрно ускоритъ аккумуляціонный процессъ американскаго капитала. Вырастетъ новый міръ его безграничнаго господства. Русская же революція вольетъ больше *революціонной страсти и духа обобщенія* въ ту Европу, которая „показала удивительную неспособность къ соціальному перевороту“ (Герценъ); она довершитъ консолидацію революціонно-соціалистическихъ силъ...

Будущность невозможно конкретизировать. Это, конечно, не исключаетъ обрисовки общихъ *тенденцій* развитія. Если теперь, когда ежедневно мѣняются декораціи исторической драмы, нельзя говорить о тенденціяхъ, то: ясна устремленность творческаго духа человѣчества, который такъ долго томился въ тискахъ рабства. И онъ рискнетъ всѣмъ, чтобы пріобрѣсти свободу творчества:

Передъ крымской войной Герценъ писалъ: „деспотизмъ или соціализмъ—выбора нѣтъ“. Мы счастливѣе его, намъ не приходится выбирать. Безуміе, до котораго, довела насъ власть копитала, показываетъ, что міръ долженъ быть перестроенъ *на новыхъ соціалистическихъ* началахъ. Старый міръ—можете охватить мысленно всю его исторію—это міръ человѣческаго несчастья... Отречься отъ него нетрудно—отречья отъ войнъ, насилья, рабства преступленій. Разумѣется, это не будетъ актъ, а продолжительный процессъ, въ которомъ возможны разнообразные случаи диффузіи элементовъ стараго и новаго міровъ. Самый важный—первый шагъ, и мы мыслимъ его неизбѣжнымъ. Это отнюдь не значитъ, что стихія будетъ торжествовать. Нѣтъ, творческая и раціонализирующая воля достигнетъ высшаго напряженія.

Казанская Губернская Тюрьма,
2-го сентября 1917 г.

Опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
3	4 сверху	Раньще	Раньше
3	16 „	партіеи	партіей
3	8 снизу	во вторыхъ	во вторыхъ,
3	5 „	еилъ	силъ
4	13 „	Fegenstaud	Gegenstand
5	9 „	подверженнымъ	поверженнымъ
8	19 сверху	оно	она
9	2 „	естественных	естественныхъ
9	9 „	на жизнь.	на жизнь,
9	4 снизу	франціи	Франціи
9	22 сверху	оплодотворятся	оплодотворится
9	1 снизу	введеніе	въ веденіи
11	6 „	не дасть	не дадутъ
12	6 сверху	Во франціи	Во Франціи
15	1 „	начинается	начинаетъ
15	19 „	онѣ	онъ
15	3 сризу	существеніс	существованіе
15	1 „	Несоразмѣрныя	Несоразмѣрное
16	2 сверху	каниталистическаго	капиталистическаго
16	11 снизу	корки	корни
18	10 „	концектрапія	концентрапія
23	19 сверху	народовлястія	народовластіе
23	22 „	кадетъ	кадетовъ
27	2 снизу	называла	называло
28	4 сверху	интернаціонаналисты	интернаціоналисты
32	5 снизу	войными	войнами
32	5 сверху	передала	передана
32	7 „	племенемъ.	племенемъ,
32	9 „	тѣже	тѣ же
32	11 „	во всеуслышаніи	во всеуслышаніе
32	20 „	анекcій	аннексій
32	8 снизу	аннекесій	аннексій
7	13 сверху	смертныя	Инертная
4	7-8 „	какія государственныя и общественныя	какіе государственные и общественные
5	7 „	свобсды	свободы
7	2 снизу	И-такъ	Итакъ

